

Д. Самойлов

СТИХОТЕОРЕНИЯ

Д. Самойлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Д. Самойлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1985

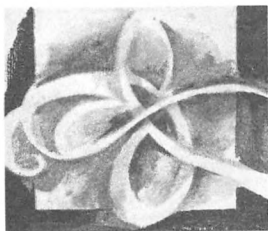
ББК 84. Р7
С 17

В эту книгу вошли стихотворения из шести сборников Д. Самойлова, изданных «Советским писателем» («Ближние страны» — 1958, «Второй перевал» — 1963, «Дни» — 1970, «Волна и камень» — 1974, «Весть» — 1978, «Залив» — 1981), а также новые произведения поэта.

Художник
Валерий ЛОКШИН

С $\frac{4702010200-461}{083(02)-85}$ 220—84

© Состав. Издательство
«Советский писатель», 1985 г.

СЕМЕН АНДРЕИЧ

С. А. Косову

Помню! Синявинские высоты
Брали курсанты три раза подряд.
Еле уволокли пулеметы.
А три батальона — там и лежат.

Помню! Мальчик простерт на талом
Снегу с простреленным животом.
Помню еще — о большом и малом,
Об очень сложном и очень простом.

И все же были такие минуты,
Когда, головой упав на мешок,
Думал, что именно так почему-то
Жить особенно хорошо.

И ясно мне все без лишних вопросов,
И правильно все и просто вокруг.
А рядом — Семен Андреевич Косов,
Алтайский пахарь, до смерти друг.

Да, он был мне друг, неподкупный
и кровный,
И мне доверяла дружба святая
Письма писать Пелагее Петровне.
Он их отсылал не читая.

— Да что там читать, — говорил Семен,
Сворачивая самокрутку на ужин, —
Сам ты грамотен да умен,
Пропишешь как надо, — живем, не тужим.

Семен Андреич! Алтайский пахарь!
С тобой мы полгода друг друга грели.
Семь раз в атаку ходил без страха,
И пули тебя, как святого, жалели.

Мы знали до пятнышка друг о друге,
И ты рассказывал, как о любви,
Что кони, тонкие, словно руки,
Скачут среди степной травы.

И кабы раньше про то узнать бы,
Что жизнь текла, как по лугу, ровно,
Какие бывали крестины и свадьбы,
Как в девках жила Пелагея Петровна.

Зори — красными петухами.
Ветер в болоте осоку режет.
А я молчал, что брежу стихами.
Ты б не поверил, подумал — брешет.

Ты думал, что книги пишут не люди,
Ты думал, что песни живут, как кони,
Что так оно было, так и будет,
Как в детстве думал про звон

колокольный...

Семен Андреич! Алтайский пахарь!
Счастлив ли ты? Здоровый? Живой ли?
Помнишь, как ты разорвал рубаху
И руку мне перетянул до боли?

Помнишь? Была побита пехота,
И мы были двое у пулемета.

И ты сказал, по-обычному просто,
Ленту новую заложив:
— Ступай. Ты ранен. (Вот нынче

мороз-то!)

А я останусь, покуда жив.

Мой друг Семен, неподкупный
и кровный!

Век не забуду наше прощанье.
Я напишу Пелагее Петровне,
Выполню клятвенное обещанье.

Девушки в золотистых косах
Споют, придя с весенней работы,
Про то, как Семен Андреич Косов
Один остался у пулемета.

И песни будут ходить, как кони,
По пышным травам, по майскому лугу.
И рощи, белые, как колокольни,
Листовою раззвонят на всю округу.

И полетят от рощи к роще,
От ветки к ветке по белу свету.
Писать те песни — простого проще,
И хитрости в этом особой нету.

1946

ТРЕВОГА

Долго пахнут порохом слова.
А у сосен тоже есть стволы.
Пни стоят, как чистые столы,
А на них медовая смола.

Бабы бьют вальками над прудом —
Спящим снится орудийный гром.
Как фугаска, ухает подвал,
Эхом откликаясь на обвал.

К нам война вторгается в постель
Звуками, очнувшись сразу,
Ломотой простреленных костей,
Немотою обожженных рук.

Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.

И уже ничем не излечим
Пропитавший нервы непокой.
«Кто идет?» — спросонья мы кричим
И наганы шарим под щекой.

1947

Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто умирает в поле,
Припадая к ветру молодому
Головой, закинутой от боли.

Подойдет на стон к нему сестрица,
Поднесет родимому напиток.
Даст водицы, а ему не пьется,
А вода из фляжки мимо льется.

Он глядит, не говорит ни слова,
В рот ему весенний лезет стебель,
А вокруг него ни стен, ни кровя,
Только облака гуляют в небе.

И родные про него не знают,
Что он в чистом поле умирает,
Что смертельна рана пулевая.
...Долго ходит почта полевая.

1947

КРЫЛЬЯ ХОЛОПА

Стоишь, плечами небо тронув,
Превыше помыслов людских,
Превыше зол, превыше тронов,
Превыше башен городских.

Раскрыты крылья слюдяные,
Стрекозным трепетом шурша.
И ветры дуют ледяные,
А люди смотрят, чуть дыша.

Ты ощутишь в своем полете
Неодолимый вес земли,
Бессмысленную тяжесть плоти,
Себя, простертого в пыли,

И гогот злобного базара,
И горожанок робкий страх...
И божья, и людская кара.
О, человек! О, пыль! О, прах!

Но будет славить век железный
Твои высокие мечты,
Тебя, взлетевшего над бездной
С бессильным чувством высоты.

1947

Извечно покорны слепому труду,
Небесные звезды несутся в кругу.

Беззвучно вращаясь на тонких осях,
Плывут по вселенной, как рыбий косяк.

В раздумье стоит на земле человек,
И звезды на щеки ложатся как снег.

И в тесном его человеческом мозгу
Такие же звезды метутся в кругу.

В нас мир отражен, как в воде и стекле,
То щеки уколёт, подобно игле,

То шоркнет по коже, как мерзлый рукав,
То скользкою рыбкой трепещет в руках.

Но разум людской — не вода и стекло,
В нем наше дыханье и наше тепло.

К нам в ноги летит, как птенец из гнезда,
Продрогшая маленькая звезда.

Берем ее в руки. Над нею стоим,
И греем, и греем дыханьем своим.

1947

ЭЛЕГИЯ

Дни становятся все сероватей.
Ограды похожи на спинки железных кроватей.
Деревья в тумане, и крыши лоснятся.
И сны почему-то не снятся.
В кувшинах стоят восковые осенние листья,
Которые схожи то с сердцем, то с кистью
Руки. И огромное галок семейство,
Картаво ругаясь, шатается с места на место.
Обычный пейзаж! Так хотелось бы неторопливо
Писать, избегая наплыва
Обычного чувства пустого неверья
В себя, что всегда у поэтов под дверью
Смеется в кулак и настойчиво трется,
И черт его знает — откуда берется!

Обычная осень! Писать, избегая неверья
В себя. Чтоб скрипели гусиные перья
И, словно гусей белоснежных станицы,
Летели исписанные страницы...
Но в доме, в котором живу я —
четырёхэтажном, —
Есть множество окон. И в каждом
Виднеются лица:
Старухи и дети, жильцы и жилицы.
И смотрят они на мои занавески,
И переговариваются по-детски:
— О чем он там пишет? И чем он там дышит?
Зачем он так часто взирает на крыши,
Где мокрые трубы, и мокрые птицы,
И частых дождей торопливые спицы?

А что, если вдруг постучат в мои двери
и скажут: — Прочтите.
Но только учтите,

Читайте не то, что давно нам известно,
А то, что не скучно и что интересно...

— А что вам известно?

— Что нивы красивы, что люди счастливы,
Любовь завершается браком,
И свет торжествует над мраком...

— Садитесь, прочту вам роман с эпилогом.

— Валяйте! — сядутся в молчании строгом.
И слушают.

Он расстается с невестой.

(Соседка довольна. Отрывок прелестный.)

Невеста не ждет его. Он погибает.

И зло торжествует. (Соседка зевает.)

Сосед заявляет, что так не бывает,

Нарушены, дескать, моральные нормы

И полный разрыв содержания и формы...

— Пойдите, пойдите! Но вы же просили...

— Просили! И просьба останется в силе...

Но вы же поэт! К моему удивлению,

Вы не понимаете сути явлений,

По сути — любовь завершается браком,

А свет торжествует над мраком.

Сапожник Подметкин из полуподвала,

Положим, пропойца. Но этого мало

Для литературы. И в роли героя

Должны вы его излечить от запоя

И сделать счастливым супругом Глафиры,

Лифтерши из сорок четвертой квартиры.

.

На улице осень... И окна. И в каждом окошке

Жильцы и жилицы, старухи, и дети,

и кошки.

Сапожник Подметкин играет с утра

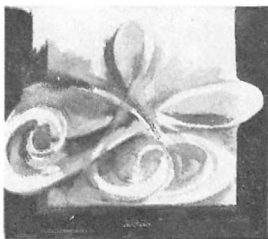
на гармошке.

Глафира выносит очистки картошки.

А может, и впрямь лучше было бы в мире,
Когда бы сапожник женился на этой
Глафире?

А может быть, правда — задача поэта
Упорно доказывать это:
Что любовь завершается браком,
А свет торжествует над мраком.

1948

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Стоят дубы с обнаженными сучьями,
Как молотобойцы с рукавами засученными,
Ударят кувалдой по пням-наковальням,
Откликнется роща громом повальным.
Как мехи, ветрами задышат тучи,
И мехи загудят, запоют, заревут.
И каленую молнию бросит подручный
Остывать,
Как подкову готовую,
В пруд.

1952

МОСТ

Стройный мост из железа ажурного,
Застекленный осколками неба лазурного.

Попробуй вынь его
Из неба синего —
Станет голо и пусто.

Это и есть искусство.

1952

СТИХИ И ПРОЗА

Мужицкий бунт — начало русской прозы.
Не Свифтов смех, не Вертеровы слезы,
А заячий тулупчик Пугача,
Насильно снятый с барского плеча.

Мужик бунтует против всех основ,
Опровергая кесаря и бога.
Немая Русь, обильна и убога,
Упрямо ищет сокровенных слов.

И в русской прозе отреченный граф
С огромной силой понял суть боренья:
Что вера без любви — одно смирение,
А при любви — отстаиванье прав...

Российский стих — гражданственность сама.
Восторг ума, сознание пользы высшей!
И ямбов ломоносовских грома
Закованы в броню четверостиший.

Гражданский стих!.. Года бегут, бегут...
И время нас стихам и прозе учит.
И сочинителей российских мучит
Сознание пользы и мужицкий бунт.

1952

ТЕЛЕГРАФНЫЕ СТОЛБЫ

Телеграфные столбы.
Телеграфные столбы.

В них дана без похвальбы
Простота моей судьбы!
Им шагать, и мне шагать
Через поле, через гать.
Вверх по склону. И опять
Вниз со склона.
Но не вспять.

По-солдатски ровный шаг
Через поле и овраг,
Вверх по склону — и опять
Вниз со склона. И опять
Вверх по склону — на горбы...

Телеграфные столбы.
Телеграфные столбы.

1956

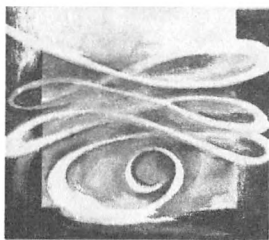
ЗРЕЛОСТЬ

Приобретают остроту,
Как набирают высоту,
Дичают, матереют,
И где-то возле сорока
Вдруг прорывается строка,
И мысль становится легка.
А слово не стареет.

И поздней славы шепоток
Немного льстив, слегка жесток,
И, словно птичий коготок,
Царапает, не раня.
Осенней солнечной строкой
Приходит зрелость и покой,
Рассудка не туманя.

И платят позднею ценой:
«Ах, у него и чуб ржаной!
Ах, он и сам совсем иной,
Чем мы предполагали!»
Спасибо тем, кто нам мешал!
И счастье тем, кто сам решал, —
Кому не помогали!

1956

ИЗ ДЕТСТВА

Я — маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Сбирается вещей Олег...»

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке душу,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над бренностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

1956

ЦИРК

Отцы поднимают младенцев,
Сажают в моторный вагон,
Везут на передних сиденьях
Куда-нибудь в цирк

иль кино.

И дети солидно и важно
В трамвайное смотрят окно.

А в цирке широкие двери,
Арена, огни, галуны
И прыгают люди, как звери,
А звери, как люди, умны.

Там слон понимает по-русски,
Дворняга поет по-людски.
И клоун без всякой закуски
Глощает чужие платки.

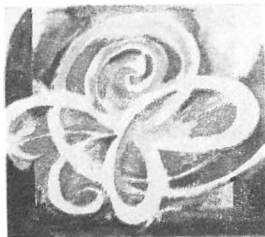
Обиженный кем-то коверный
Несет остроумную чушь.
И вдруг капельмейстер проворный
Оркестру командует туш.

И тут верховые наяды
Слетают с седла на песок.
И золотом блещут наряды,
И купол, как небо, высок.

А детям не кажется странным
Явление этих чудес.
Они не смеются над пьяным,
Который под купол полез.

Не могут они оторваться
От этой высокой красы.
И только отцы веселятся
В серьезные эти часы.

1956

Я наконец услышал море, —
Оно не покладая рук
Раскатывало у Бомбори
За влажным звуком влажный звук.

Шел тихий дождь на побережье,
И, не пугая тишины,
Пел только мужественно-нежный,
Неутомимый звук волны.

Я засыпал под этот рокот,
И мне приснился сон двойной:
То слышал я орлиный клетот,
То пенье женщины одной.

И этот клетот, это пенье
И осторожный шум дождя
Сплелись на грани сновиденья,
То приходя, то уходя...

1956

НА ПОЛУСТАНКЕ

На полустанке пел калека,
Сопровождавший поезда:
«Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда».

Он петь привык корысти ради —
За хлеба кус и за пятак.
А тут он пел с тоской во взгляде,
Не для людей, а просто так.

А степь вокруг была огромной,
А человек был сир и мал.
И тосковал бедняк бездомный
И сам себя не понимал.

И, сам себя не понимая,
Грустил он о былых годах,
И пел он, как поет немая
Степь в телеграфных проводах.

1956

СТИХИ О ЦАРЕ ИВАНЕ

МЕЧТА О МОРЕ

Он видел лес,
Где распевают птицы
И где ночами ухают сычи.
И этот лес шумел, шумел в ночи.
И этот лес лежал до синя моря.

Он видел степь,
Где ястреб и орел
Ныряют в травы.
Холм за холм и дол за дол
Свободно уходили на просторе.
И эта степь легла до синя моря.

А моря он не видел никогда...
Ему ночами снилась синяя вода,
Над нею пена белая кипела,
И словно степь дышал ее простор.
И море пело, пело, пело,
Как по ночам поет дремучий бор.

И птицы снились не степные,
не лесные —
Невиданные, новые, иные —
Не желтоглазый сыч,
Не серый беркут,
А птицы синеглазые морские,
Как гуси белокрылые белы
И с клювами кривыми, как орлы.

Подобно морю
Простиралась степь.

Подобно морю
Волновались чащи.
И сны его тревожили все чаще.
Какие сны!
А им свершенья нет!

И государь державы сухопутной,
Бывало, просыпался.
Рядом с ним
Дышала женщина, как дышит море.
Но пахло духом смоляным, лесным,
И филин ухал в непроглядном боре.

А по лесным дорогам шли войска,
Шли ратники, скакали верховые,
Везли в санях припасы огневые.
И озирал просторы снеговые
Суровый воевода из возка.

О море, море — русская мечта!
Когда еще тебе дано свершиться!
И государю по ночам не спится,
А чуть прикроет грозные зеницы,
Все чудятся ему морские птицы,
И синева, и даль, и высота!

ИВАН И ХОЛОП

Ходит Иван по ночному покою,
Бороду гладит узкой рукою.
То ль ему совесть спать не дает,
То ль его черная дума томит.
Слышно — в посаде кочет поет,
Ветер, как в бубен, в стекла гремит.

Дерзкие очи в Ивана вперя,
Ванька-холоп глядит на царя.

— Помни, холоп непокорный и вор,
Что с государем ведешь разговор!
Думаешь, сладко ходить мне в царях,
Если повсюду враги да беда:
Турок и швед сторожат на морях,
С суши — ногаи, да лях, да орда.
Мыслят сгубить православных христьян,
Русскую землю загнали бы в гроб!
Сладко ли мне? — вопрошает Иван.
— Горько тебе, — отвечает холоп.

— А опереться могу на кого?
Лисы — бояре, да волки — князья.
С младости друга имел одного.
Где он, тот друг, и иные друзья?
Сын был наследник мне господом дан.
Ведаешь, раб, отчего он усоп?
Весело мне? — вопрошает Иван.
— Тяжко тебе, — отвечает холоп.

— Думаешь, царь-де наш гневен и слеп,
Он-де не ведает нашей нужды.
Знаю, что потом посолен твой хлеб,
Знаю, что терпишь от зла и вражды.
Пытан в застенке, клещами ты рван,
Царским клеймом опечатан твой лоб.
Худо тебе? — вопрошает Иван.
— Худо, — ему отвечает холоп.

— Ты ли меня не ругал, не честил,
Врал за вином про лихие дела!
Я бы тебя, неразумный, простил,
Если б повадка другим не была!
Косточки хрустнут на дыбе, смутьян!
Криком Малюту не вгонишь в озноб!
Страшно тебе? — вопрошает Иван.
— Страшно! — ему отвечает холоп.

— Ты милосердья, холоп, не проси.
Нет милосердных царей на Руси.
Русь — что корабль. Перед ней — океан.
Кормчий — гляди, чтоб корабль
не потоп!..
Правду ль реку? — вопрошает Иван.
— Бог разберет, — отвечает холоп.

СМЕРТЬ ИВАНА

Помирает царь, православный царь!
Колокол стозвонный раскачал звонарь.
От басовой ме́ди облака гудут.
Собрались бояре, царской смерти ждут.
Слушают бояре колокольный гром:
Кто-то будет нынче на Руси царем?

И на колокольне, уставленной в зарю,
Весело, весело молодому звонарю.
Гулкая медь,
Звонкая медь,
Как он захочет, так и будет греметь!

«Где же то, Иване, жены твои?» —
«В монастырь отправлены,
Зельями отравлены...» —
«Где же то, Иване, слуги твои?» —
«Пытками загублены,
Головы отрублены...» —
«Где же то, Иване, дети твои?» —
«Вот он старший — чернец.
Вот он младший — птенец.
Ни тому, ни другому
Не по чину венец...» —
«Где же, царь-государь, держава твоя?» —
«Вот она, господи, держава моя...»

А на колокольне, уставленной в зарю,
Весело, весело молодому звонарю.
Он по сизой заре
Распугал сизарей.
Они в небе парят
Выше царских палат,
Они знать не хотят
Ни князей,
Ни княжат,
Ни царей,
Ни царят.

Лежит Иван, в головах свеча.
Лежит Иван, не молитву шепча.
Кажется Ивану, что он криком кричит,
Кажется боярам, что он молча лежит,
Молча лежит, губами ворожит.
Думают бояре: хоть бы встал он сейчас,
Хоть потешил себя, попугал бы он нас!

А на колокольне, уставленной в зарю,
Весело, весело молодому звонарю.
Раскачалась звонница —
Донн-донн!
Собирайся, вольница,
На Дон, на Дон!

Буйная головушка,
Хмелю не проси!..
Грозный царь преставился на Руси.
Господи, душу его спаси...

1947—1957

СОЛОВЬИНАЯ УЛИЦА

Тучей шла сирень, лавиной,
На заборы надвигалась.
Это буйство называлось
Улицею Лакстигалас,
Улицею Соловьиной.

Свешивалась через стены
Гроздью пышной, грузной, пьяной,
И дворы вспухали пеной,
Словно глиняные жбаны.

Кто живет здесь — люди, птицы?
И ужель в домишках чинных
Есть под красной черепицей
Страсти кроме соловьиных?
Что за слово — Лакстигалас?
Птичье или человечесье?..

И свободно постигалась
Сладость чуждого наречья.

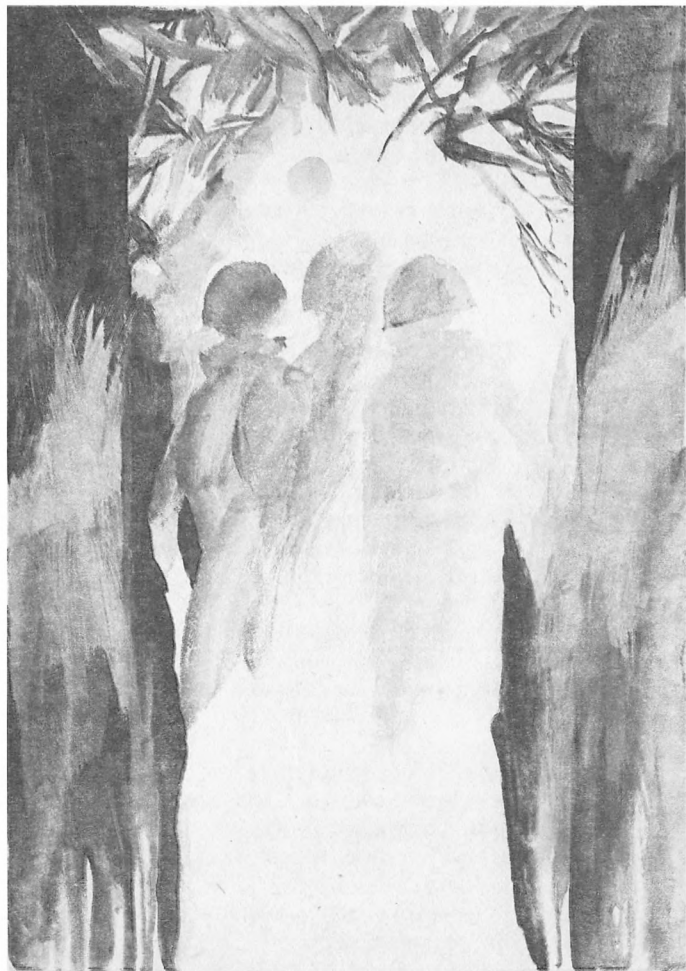
1957

Луч солнца вдруг мелькнет, как спица,
Над снежной пряжей зимы...
И почему-то вновь приснится,
Что лучше мы, моложе мы,

Как в дни войны, когда, бывало,
Я выбегал из блиндажа
И вьюга плечи обнимала,
Так простодушна, так свежа;

И даже выстрел был прозрачен
И в чаще с отзвуками гас.
И смертный час не обозначен,
И гибель дальше, чем сейчас...

1957

ЗОЛУШКА

Веселым зимним солнышком
Дорога залита.
Весь день хлопочет Золушка,
Делами занята.

Хлопочет дочь приемная
У мачехи в дому.
Приемная-бездомная,
Нужна ль она кому?

Белье стирает Золушка,
Детей качает Золушка,
И напевает Золушка —
Серебряное горлышко.

В окне — дорога зимняя,
Рябина, снегири.
За серыми осинами
Бледнеет свет зари.

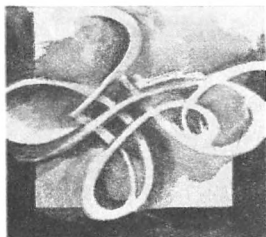
А глянешь в законные
Просторы без конца —
Ни пешего, ни конного,
Ни друга, ни гонца.

Посуду моет Золушка,
В окошко смотрит Золушка,
И напевает Золушка:
«Ох, горе мое, горюшко!»

Все сестры замуж выданы
За ближних королей.
С невзгодами, с обидами
Все к ней они да к ней.

Блестит в руке иголочка,
Стоит в окне зима.
Стареющая Золушка
Шьет туфельку сама...

1957

Подставь ладонь под снегопад,
Под искры, под кристаллы.
Они мгновенно закипят,
Как плавкие металлы.

Они растают, потекут
По линиям руки.
И станут линии руки
Изгибами реки.

Другие линии руки
Пролягут как границы,
И я увижу городки,
Дороги и столицы.

Моя рука как материк —
Он прочен, изначален.
И кто-нибудь на нем велик,
А кто-нибудь печален.

А кто-нибудь идет домой,
А кто-то едет в гости.
А кто-то, как всегда зимой,
Снег собирает в горсти.

Как ты просторен и широк,
Мирок на пятерне.
Я для тебя, наверно, бог,
И ты послушен мне.

Я берегу твоих людей,
Храню твою удачу.
И малый мир руки моей
Я в рукавичку прячу.

1958

БЕЛЫЕ СТИХИ

(Рембо в Париже)

Рано утром приходят в скверы
Одинокие злые старухи,
И скучающие рантьеры
На скамейках читают газеты.
Здесь тепло, розовато, влажно,
Город заспан, как детские щеки.
На кирпично-красных площадках
Бьют пожарные струи фонтанов,
И подстриженные газоны
Размалеваны тенью и солнцем.

В это утро по главной дорожке
Шел веселый и рыжий парень
В желтовато-зеленой ковбойке.
А за парнем шагала лошадь.
Эта лошадь была прекрасна,
Как бывает прекрасна лошадь —
Лошадь розовая и голубая,
Как дессу незамужней дамы,
Шея — словно рука балерины,
Уши — словно чуткие листья,
Ноздри — словно из серой замши,
И глаза азиатской рабыни.

Парень шел и у всех газировщиц
Покупал воду с сиропом,
А его белоснежная лошадь
Наблюдала, как на стакане
Оседает озон с сиропом.
Но, наверно, ей надоело
Наблюдать за веселым парнем,
И она отошла к газону

И, ступив копытом на клумбу,
Стала кушать цветы и листья,
Выбирая, какие получше.
— Кыш! — воскликнули все рантьеры.
— Брысь! — вскричали злые старухи. —
Что такое — шляется лошадь,
Нарушая общий порядок! —
Лошадь им ничего не сказала,
Поглядела долго и грустно
И последовала за парнем.

Вот и все — ничего не случилось,
Просто шел по улице парень,
Пил повсюду воду с сиропом,
А за парнем шагала лошадь...

Это странное стихотворенье
Посвящается нам с тобою.
Мы с тобой в чудеса не верим,
Оттого их у нас не бывает...

1958

П. Г.

О, много ли надо земли
Для дома, для поля, для луга,
Чтоб травами пела округа
И море шумело вдали?

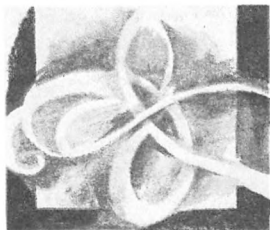
О, много ли надо земли,
Чтоб очи продрать на рассвете
И видеть, как шумные дети
Пускают в ручьях корабли;

Чтоб в зарослях возле села
Черемуха жарко дышала
И ветвь поцелуям мешала —
И все ж помешать не могла?

О, много ли надо земли
Для тропки, проселка, дороги,
Чтоб добрые псы без тревоги
Дремали в нагретой пыли?

О, много ли надо земли
Для истины, веры и права,
Чтоб засека или застава
Людей разделять не могли?

1958

СТАРИК

Старик с мороза вносит в дом
Охапку дров продрогших.
В сенях, о кадку звякнув льдом,
Возьмет железный ковшик;

Водой наполнит чугунок,
Подбросит в печь полешки.
И станет щелкать огонек
Каленые орешки.

Потом старик найдет очки,
Подсядет ближе к свету,
Возьмет, как любят старики,
Вчерашнюю газету.

И станет медленно читать
И разбираться в смысле
И все события сочетать
В особенные мысли.

1959

ЧЕРНЫЙ ТОПОЛЬ

Не белый цвет и черный цвет
Зимы сухой и спелой —
Тот день апрельский был одет
Одной лишь краской —
серой.

Она ложилась на снега,
На березняк сторукий,
На серой морде битюга
Лежала серой скукой.

Лишь черный тополь был один —
Весенний, черный, влажный.
И черный ворон, нелюдим,
Сидел на ветке, важный.

Стекали ветки как струи,
К стволу сбегали сучья,
Как будто черные ручьи,
Рожденные под тучей.

Подобен тополь был к тому ж
И молнии застывшей,
От серых туч до серых луж
Весь город пригвоздившей.

Им оттенялась белизна
На этом сером фоне.
И вдруг, почуяв, что весна,
Тревожно ржали кони.

И было все на волоске,
И думало. и ждало,

И, словно жилка на виске,
Чуть слышно трепетало —
И талый снег, и серый цвет,
И той весны начало.

1959

Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
Я любил, размышлял, воевал.
Кое-где побывал, кое-что повидал,
Иногда и счастливым бывал.

Гнев меня обошел, миновала стрела,
А от пули — два малых следа.
И беда отлетала, как капля с крыла;
Как вода, расступалась беда.

Взял один перевал, одолею второй,
Хоть тяжел мой заплечный мешок.
Что же там, за горой? Что же там — под горой?
От высот побелел мой висок.

Сорок лет. Где-то будет последний привал?
Где прервется моя колея?
Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
И не допита чаша сия.

1960

ЗАБОЛОЦКИЙ В ТАРУСЕ

Мы оба сидим над Окою,
Мы оба глядим на зарю.
Напрасно его беспокою,
Напрасно я с ним говорю!

Я знаю, что он умирает,
И он это чувствует сам,
И память свою умеряет,
Прислушиваясь к голосам,

Присматриваясь, как к находке,
К тому, что шумит и живет...
А девочка-дочка на лодке
Далеко-далеко плывет.

Он смотрит умно и степенно
На мерные взмахи весла...
Но вдруг, словно сталь из мартена,
По руслу заря потекла.

Он вздрогнул... А может, не вздрогнул,
А просто на миг прервалась
И вдруг превратилась в тревогу
Меж нами возникшая связь.

Я понял, что тайная повесть,
Навеки сокрытая в нем,
Писалась за страх и за совесть,
Питалась водой и огнем.

Что все это скрыто от близких
И редко открыто стихам...
На соснах, как на обелисках
Последний закат полыхал.

Так вот они — наши удачи,
Поэзии польза и прок!..
— А я не сторонник чудачеств, —
Сказал он и спичку зажег.

1958—1963

АЛЕНУШКА

Когда настанет расставаться —
Тогда слетает мишура...
Аленушка, запомни братца!
Прощай — ни пуха ни пера!

Я провожать тебя не выйду,
Чтоб не вернулась с полпути.
Аленушка, забудь обиду
И братца старого прости.

Твое ль высокое несчастье,
Моя ль высокая беда?..
Аленушка, не возвращайся,
Не возвращайся никогда.

1960

НАТАША

Круглый двор
с кринолинами клумб.
Неожиданный клуб
страстей и гостей,
приезжающих цугом.
И откуда-то с полуиспугом —
Наташа,
она,
каблучками стуча,
выбегает, выпархивает —
к Анатолю, к Андрею —
бог знает к кому! —
на асфальт, на проезд,
под фасетные буркалы автомобилей,
вылетает, выпархивает без усилий
всеми крыльями
девятнадцати лет —
как цветок на паркет,
как букет на подмости, —
в лоск асфальта
из барского особняка,
чуть испуганная,
словно птица на волю —
не к Андрею,
бог знает к кому —
к Анатолю!..
Дождь стучит в целлофан
пистолетным свинцом...
А она, не предвидя всего,
что ей выпадет вскоре на долю,
выбегает
с уже обреченным лицом.

1960

Дождь пришел в городские кварталы,
Мостовые блестят, как каналы,
Отражаются в них огоньки,
Светофоров цветные сигналы
И свободных такси светляки.

Тихо радуюсь. Не оттого ли,
Что любви, и надежды, и боли
Мне отведать сполна довелось,
Что уже голова побелела
И уже настоящее дело
В эти годы во мне началось.

И когда, словно с бука лесного,
Страсть слетает — шальная листва,
Обнажается первооснова,
Голый ствол твоего существа.
Открывается графика веток
На просторе осенних небес.

И не надо случайных чудес —
Однодневок иль однолеток.

Эй, листва! Постарей, постарей!
И с меня облей поскорей!

1961

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю.
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые..
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

Слава богу! Слава богу!
Что я знал беду и тревогу!
Слава богу, слава богу —
Было круто, а не отлого!

Слава богу!
Ведь все, что было,
Все, что было, — было со мною.
И война меня не убила,
Не убила пульей шальнойю.

Не по крови и не по гною
Я судил о нашей эпохе.
Все, что было, — было со мною,
А иным доставались крохи!

Я судил по людям, по душам,
И по правде, и по замаху.
Мы хотели, чтоб было лучше,
Потому и не знали страху.

Потому пробитое зная
С каждым годом для нас дороже.
Хорошо, что случилось с нами,
А не с теми, кто помоложе.

1961

ПЕРЕБИРАЯ НАШИ ДАТЫ

Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.

А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.

Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.

Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет — одни деревья.

И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Сережей,
Но леса нет, и эха нету.

А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу
Илью, Бориса, Николая.

1961

ВДОХНОВЕНЬЕ

Жду, как заваленный в забое,
Что стих пробьется в жизнь мою.
Бью в это темное, рябое,
В слепое, в каменное бью.

Прислушиваюсь: не слышать ли,
Что пробиваются ко мне.
Но это только капли, капли
Скользят по каменной стене.

Жду, как заваленный в забое,
Долблю железную руду,
Не пробивается ль живое
Навстречу моему труду?..

Жду иступленно и устало,
Бью в камень медленно и зло...
О, только бы оно пришло!
О, только бы не опоздало!

1961

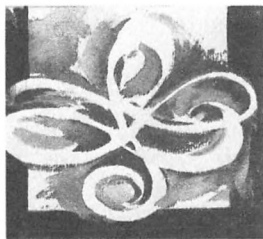
НАД НЕВОЙ

Весь город в плавных разворотах,
И лишь подчеркивает даль
В проспектах, арках и воротах
Классическая вертикаль.

И все дворцы, ограды, зданья,
И эти львы, и этот конь
Видны, как бы для любованья
Поставленные на ладонь.

И плавно прилегают воды
К седым гранитам городским —
Большие замыслы природы
К великим замыслам людским.

1961

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Везде холера, всюду карантинны,
И отпущенья вскорости не жди.
А перед ним пространные картины
И в скудных окнах долгие дожди.

Но почему-то сны его воздушны,
И словно в детстве — бормотанье, вздор.
И почему-то рифмы простодушны,
И мысль ему любая не в укор.

Какая мудрость в каждом сочлененье
Согласной с гласной! Есть ли в том корысть!
И кто придумал это сочиненье!
Какая это радость — перья грызть!

Быть, хоть ненадолго, с собой в согласье
И поражаться своему уму!
Кому б прочесть — Анисье иль Настасье?
Ей-богу, Пушкин, все равно кому!

И за полночь пиши, и спи за полдень,
И будь счастлив, и бормочи во сне!
Благодаренье богу — ты свободен —
В России, в Болдине, в карантине...

1961

Музыка, закрученная туго
в иссиня-черные пластинки, —
так закручивают черные косы
в пучок мексиканки и кубинки, —
музыка, закрученная туго,
отливающая крылом вороньим, —
тупо-тупо подыгрывает туба
расхлябанным пунктирам контрабаса.
Это значит — можно все, что можно,
это значит — очень осторожно
расплетается жесткий и черный
конский волос, канифолью тертый.
Это значит — в визге канифоли
приближающаяся поневоле,
обнимаемая против воли,
понукаемая еле-еле
в папиросном дыме, в алкоголе
желтом, выпученном и прозрачном,
движется она, припав к плечу чужому,
отчужденно и ненапряженно,
осчастливленная высшим даром
и уже печальная навеки...
Музыка, закрученная туго,
отделяющая друг от друга.

1961

ОСЕНЬ

Вот опять спорхнуло лето
С золоченого шестка,
Роща белая раздета .
До последнего листка.

Как раздаривались листья,
Чтоб порадовался глаз!
Как науке бескорыстья
Обучала осень нас!

Так закутайся потепле
Перед долгою зимой...
В чем-то все же мы окрепли,
Стали тверже, милый мой.

1961

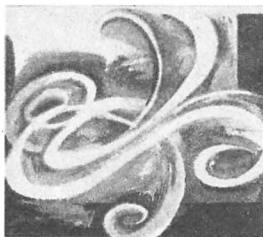
СЛОВА

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

И понял я, что в мире нет
Затертых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясенный гений.
И ветер необыкновенней,
Когда он ветер, а не ветр.

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

1961

Хочется мирного мира
И счастливого счастья,
Чтобы ничто не томило,
Чтобы грустилось не часто.

Хочется синего неба
И зеленого леса,
Хочется белого снега,
Яркого желтого лета.

Хочется, чтоб отвечало
Все своему назначенью:
Чтоб начиналось с начала,
Вовремя шло к завершенью.

Хочется шуток и смеха
Где-нибудь в шумном скопище.
Хочется и успеха,
Но на хорошем поприще.

1961

ДОМ-МУЗЕЙ

Потомков ропот восхищенный,
Блаженной славы Парфенон!

Из старого поэта

...производит глубокое...

Из книги отзывов

Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф. Умывальник. Кровать.
Это штора — окно прикрывать.
Вот любимое кресло. Покойный
Был ценителем жизни спокойной.

Это вот безымянный портрет.
Здесь поэту четырнадцать лет.
Почему-то он сделан брюнетом.
(Все ученые спорят об этом.)
Вот позднейший портрет — удалой.
Он писал тогда оду «Долой»
И был сослан за это в Калугу.
Вот сюртук его с рваной полрой —
След дуэли. Пейзаж «Под скалой».
Вот начало «Послания к другу».
Вот письмо: «Припадаю к стопам...»
Вот ответ: «Разрешаю вернуться...»
Вот поэта любимое блюдце,
А вот это любимый стакан.

Завитушки и пробы пера.
Варианты поэмы «Ура!»
И гравюра: «Вручение медали».
Повидали? Отправимся дале.

Годы странствий. Венеция. Рим.
Дневники. Замечанья. Тетрадки.
Вот блестящий ответ на нападки
И статья «Почему мы дурим».
Вы устали? Уж скоро конец.
Вот поэта лавровый венец —
Им он был удостоен в Тулузе.
Этот выцветший дагерротип —
Лысый, старенький, в бархатной блузе —
Был последним. Потом он погиб.

Здесь он умер. На том канapé
Перед тем прошептал изречение
Непонятное: «Хочется пе...»
То ли песен? А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Смерть поэта — последний раздел.
Не толпитесь перед гардеробом...

1961

ШУБЕРТ ФРАНЦ

Шуберт Франц не сочиняет —
Как поется, так поет.
Он себя не подчиняет,
Он себя не продает.

Не кричит о нем газета,
И молчит о нем печать.
Жалко Шуберту, что это
Тоже может огорчать.

Знает Франц, что он кургузый
И развязности лишен,
И, наверно, рядом с музой
Он немножечко смешон.

Жаль, что дорог каждый талер,
Жаль, что дома неуют.
Впрочем — это все детали,
Жаль, что песен не поют!..

Но печали неуместны!
И тоска не для него!..
Был бы голос! Ну а песни
Запоются! Ничего!

1961

Я рано встал. Не подумав,
Пошел, куда повели,
Не слушая вещей шумов
И гулов своей земли.

Я был веселый и странный,
Кипящий и ледяной,
Готовый и к чести бранной,
И к слабой славе земной.

Не ведающий лукавства,
Доверчивый ко словам,
Плутал я — не заплутался,
Ломал себя — не сломал.

Тогда началась работа
Характера и ума,
Восторг, и пот, и ломота,
Бессонница, и луна.

И му́ка простого помола
Под тяжким, как жернов, пером,
И возле длинного мола —
Волны зеленой излом...

И солоно все, и круто,
И грубо стало во мне.
И даже счастья минута.
И ночь. И звезды в окне.

1962

СТАРИК ДЕРЖАВИН

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...
В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулеметом я лежал своим.

Это не для самооправданья:
Мы в тот день ходили на задание
И потом в блиндаж залезли спать.
А старик Державин, думая о смерти,
Ночь не спал и бормотал: «Вот черти
Некому и лиру передать!»

А ему советовали: «Некому?
Лучше б передали лиру некоему
Малому способному. А эти,
Может, все убиты наповал!»
Но старик Державин воровато
Руки прятал в рукава халата,
Только лиру не передавал.

Он, старик, скучал, пасьянс раскладывал.
Что-то молча про себя загадывал.
(Все занятые — по его годам!)
По ночам бродил в своей мурмолочке,
Замерзал и бормотал: «Нет, сволочи!
Пусть пылится лучше. Не отдам!»
Был старик Державин льстец и скаред,
И в чинах, но разумом велик.
Знал, что лиры запросто не дарят.
Вот какой Державин был старик!

1962

ДЕРЕВЯННЫЙ ВАГОН

Спотыкался на стыках,
Качался, дрожал.
Я, бывало, на нарах вагонных лежал.
Мне казалось — вагон не бежал, а стоял,
А земля на какой-то скрипучей оси
Поворачивалась мимо наших дверей,
А над ней поворачивался небосвод,
Солнце, звезды, луна,
Дни, года, времена...
Мимо наших дверей пролетала война.

А потом налетали на нас «мессера».
Здесь не дом, а вагон,
Не сестра — медсестра,
И не братья, а — братцы,
Спасите меня!
И на волю огня не бросайте меня!

И спасали меня,
Не бросали меня.
И звенели — ладонь о ладонь — буфера,
И состав
Пересчитывал каждый сустав.
И скрипел и стонал
Деревянный вагон.
А в углу медсестра пришивала погон.

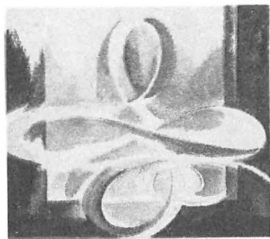
А в России уже начиналась весна.
По откосам бежали шальные ручьи.
И летели недели, года, времена,
Госпитальные койки, дороги, бои,
И тревоги мои, и победы мои!

1962

* * *

Стих небогатый, суховатый,
Как будто посох суковатый.
Но в путь, которым я иду,
Он мне годится — для опоры,
И на острастку песьей своры,
Для счета ритма на ходу.
На нем сучки, а не узоры,
Не разукрашен — ну и что ж!
Он мне годится для опоры,
И для удара он хорош!

1962

Странно стариться,
Очень странно.
Недоступно то, что желанно.
Но зато бесплотное весомо —
Мысль, любовь и дальний отзвук грома.
Тяжелы, как медные монеты,
Слезы, дождь. Не в тишине, а в звоне
Чьи-то судьбы сквозь меня продеты.
Тяжела ладонь на ладони.
Даже эта легкая ладошка
Ношей кажется мне непосильной.
Непосильной,
Даже для двужильной,
Суетной судьбы моей... Вót эта,
В синих детских жилках у запястья,
Легче крылышка, легче пряжи,
Эта легкая ладошка даже
Давит, давит, словно колокольня...
Раздавила руки, губы, сердце,
Маленькая, словно птичье тельце.

1962

ДВОР МОЕГО ДЕТСТВА

Еще я помню уличных гимнастов,
Шарманщиков, медведей и цыган
И помню развеселый балаган
Петрушек голосистых и носатых.
У нас был двор квадратный. А над ним
Висело небо — в тучах или звездах.
В сарае у матрасника на козлах
Вились пружины, как железный дым.
Ириски продавали нам с лотка.
И жизнь была приятна и сладка...
И в той Москве, которой нет почти
И от которой лишь осталось чувство,
Про бедность и величие искусства
Я узнавал, наверно, лет с пяти.

Я б вас позвал с собой в мой старый дом...
(Шарманщики, петрушка — что за чудо!)
Но как припомню долгий путь оттуда —
Не надо! Нет!.. Уж лучше не пойдём!..

1962

ТАЛАНТЫ

Их не ждут. Они приходят сами.
И рассаживаются без спроса.
Негодующими голосами
Задают неловкие вопросы.

И уходят в ночь, туман и сырость
Странные девчонки и мальчишки,
Кутаясь в дешевые пальтишки,
Маменьками шитые на вырост.

В доме вдруг становится пустынно,
И в уютном кресле неудобно.
И чего-то вдруг смертельно стыдно,
Угрызенью совести подобно.

И язвительная умудренность
Вдруг становится бедна и бренна.
И завидны юность и влюбленность,
И былая святость неизменна.

Как пловец, расталкиваю ставни
И кидаюсь в ночь за ними следом,
Потому что знаю цену давним
Нашим пораженьям и победам...

Приходите, юные таланты!
Говорите нам светло и ясно!
Что вам — славы пестрые заплаты!
Что вам — низких истин постоянство!

Сберегите нас от серой прозы,
От всего, что сбило и затерло.
И пускай бесстрашно льются слезы
Умиленья, зависти, восторга!

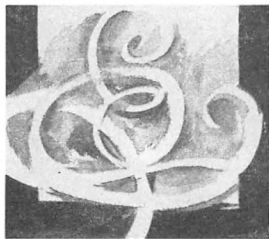
Вс. И.

Как объяснить тебе, что это, может статься,
Уж не любовь, а смерть стучится мне в окно.
И предстоит навеки рассчитаться
Со всем, что я любил, и с жизнью заодно.

Но если я умру, то с ощущением воли.
И все крупицы моего труда
Вдруг соберутся. Так в магнитном поле
Располагается железная руда.

И по расположенью желтой пыли —
Иначе как себя изобразжу? —
Ты устремленность всех моих усилий
Вдруг прочитаешь, как по чертежу.

1963

Стройность чувств. Их свободные речи.
И в мазут Патриарших прудов
Опрокинут мерцающий глетчер,
Звездный брус городских холодов.

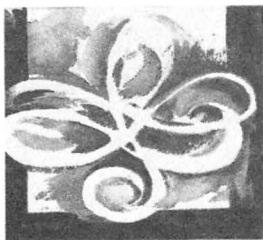
В эту ночь окончанья сезона,
Когда лебеди странно вопят,
До сухого и нежного звона
Доведен городской листопад.

И почти одинаково ярки
Фонари, что в аллее горят,
И высокие тополи в парке,
Сохранившие желтый наряд.

На пустынной аллее садовой
Мне сулит этот лиственный звон
Приближение музыки новой
И конец переходных времен.

Пруд лоснится, как черное масло,
И как легкое пахнет вино.
И бессонница наша прекрасна —
Так все молодо, так ледяно!..

1963

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Уже дозрела осень
До синего налива.
Дым, облако и птица
Летят неторопливо.

Ждут снега. Листопады
Недавно отшуршали.
Огромно и просторно
В осеннем полушарье.

И все, что было зыбко,
Растрепано и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветленный,
И кажется, что город
Стоит ненаселенный, —

Так много сверху неба,
Садов и гнезд вороньих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних.

О, как я поздно понял,
Зачем я существую!
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

И что порой напрасно
Давал страстям улечься!..
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

1963

ФОТОГРАФ-ЛЮБИТЕЛЬ

Фотографирует себя
С девицей, с другом и соседом,
С гармоникой, с велосипедом,
За ужином и за обедом,
Себя — за праздничным столом,
Себя — по окончанье школы,
На фоне дома и стены,
Забора, бора и собора,
Себя — на фоне скакуна,
Царь-пушки, башни, колоннады,
На фоне Пушкина — себя,
На фоне грота и фонтана,
Ворот, гробницы Тамерлана,
В компании и одного —
Себя, себя. А для чего?

Он пишет, бедный человек,
Свою историю простую,
Без замысла, почти впустую
Он запечатлевает век.

А сам живет на фоне звезд.
На фоне снега и дождей,
На фоне слов, на фоне страхов,
На фоне снов, на фоне ахов!
Ах! — миг один, — и нет его.
Запечатлел, потом — истлел
Тот самый, что неприхотливо
Посредством линз и негатива
Познать бессмертье захотел.
А он ведь жил на фоне звезд.
И сам был маленькой вселенной,
Божественной и совершенной!

Одно беда — был слишком прост!
И стал он капелькой дождя...

Кто научил его томиться,
К бессмертью громкому стремиться,
В бессмертье скромное входя?

1963

КРАСНАЯ ОСЕНЬ

Внезапно в зелень вкрался красный лист,
Как будто сердце леса обнажилось,
Готовое на муку и на риск.

Внезапно в чаще вспыхнул красный куст,
Как будто бы на нем расположилось
Две тысячи полураскрытых уст.

Внезапно красным стал окрестный лес,
И облако впитало красный ответ.
Светился праздник листьев и небес
В своем спокойном благодестве.

И это был такой большой закат,
Какого видеть мне не доводилось.
Как будто вся земля переродилась —
И я по ней шагаю наугад.

1963

БЕРТОЛЬД ШВАРЦ

(Монолог)

Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах,
Презрел людей за дьявольские нравы.
Я изобрел пылинку, порох, прах,
Ничтожный порошочек для забавы.
Смеялась надо мной исподтишка
Вся наша уважаемая братья:
«Что может выдумать он, кроме порошка!
Он порох выдумал! Нашел занятие!»
Да, порох, прах, пылинку! Для шутих,
Для фейерверков и для рассыпных
Хвостов павлиньих. Вспыхивает — пых! —
И роем, как с небесной наковальни,
Слетают искры! О, как я люблю
Искр воркованье, света ликование!..

Но то, что создал я для любованья,
На пагубу похитил сатана.
Да, искры полетели с наковален,
Взревели, как быки, кузнечные меха.
И оказалось, что от смеха до греха.
Не шаг — полшага, два вершка, вершок.
А я — клянусь спасеньем, боже правый! —
Я изобрел всего лишь для забавы
Сей порох, прах, ничтожный порошок!

Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах,
Вас спрашиваю, как мне жить на свете?
Ведь я хотел, чтоб радовались дети.
Но создал не на радость, а на страх!
И порошочек мой в тугих стволах
Обрел вдруг сатанинское дыханье...
Я сотворил паденье крепостей,
И смерть солдат, и храмов полыханье.

Моя рука — гляди! — обожжена,
О господи, тебе, тебе во славу...
Зачем дозволил ты, чтоб сатана
Похитил порох, детскую забаву!
Неужто все, чего в тиши ночей
Пытливо достигает наше знание,
Есть разрушенье, а не созиданье.
Чей умысел здесь? Злобный разум чей?

1963

Дай выстрадать стихотворенье!
Дай вышагать его! Потом,
Как потрясенное растенье,
Я буду шелестеть листом.

Я только завтра буду мастер,
И только завтра я пойму,
Какое привалило счастье
Глупцу, шуту, бог весть кому, —

Большую повесть поколенья
Шептать, нащупывая звук,
Шептать, дрожа от изумленья
И слезы слизывая с губ.

1963

КРАСОТА

Она как скрипка на моем плече.
И я ее, подобно скрипачу,
К себе рукою прижимаю.
И волосы струятся по плечу,
Как музыка немая.

Она как скрипка на моем плече.
Что знает скрипка о высоком пенье?
Что я о ней? Что пламя о свече?
И сам господь — что знает о творенье?

Ведь высший дар себя не узнает.
А красота превыше дарований —
Она себя являет без стараний
И одарять собой не устает.

Она как скрипка на моем плече.
И очень сложен смысл ее гармоний.
Но внятен всем. И каждого томит.
И для нее никто не посторонний.

И, отрешась от распрей и забот,
Мы слушаем в минуту просветленья
То долгое и медленное пенье
И узнаем в нем высшее значенье,
Которое себя не узнает.

1964

ГОЛОСА

Здесь дерево качается: — Прощай! —
Там дом зовет: — Остановись, прохожий! —
Дорога простирается: — Пластай
Меня и по дубленой коже
Моей шагай, топчи меня пятой,
Не верь домам, зовущим поселиться.
Верь дереву и мне. —

А дом: — Постой! —

Дом желтой дверью свищет, как синица.
А дерево опять: — Ступай, ступай,
Не оборачивайся. —

А дорога:

— Топчи пятой, подошвою строгай.
Я пыльная, но я веду до бога! —
Где пыль, там бог.
Где бог, там дух и прах.
А я живу не духом, а соблазном.
А я живу, качаясь в двух мирах,
В борении моем однообразном.
А дерево опять: — Ну, уходи,
Не медли, как любовник надоевший! —
Опять дорога мне: — Не тяготи!
Ступай отсюда, конный или пеший. —
А дом — оконной плачет он слезой.
А дерево опять ко мне с поклоном.
Стою, обвит страстями, как лозой,
Перед дорогой, деревом и домом.

1964

В ДЕРЕВНЕ

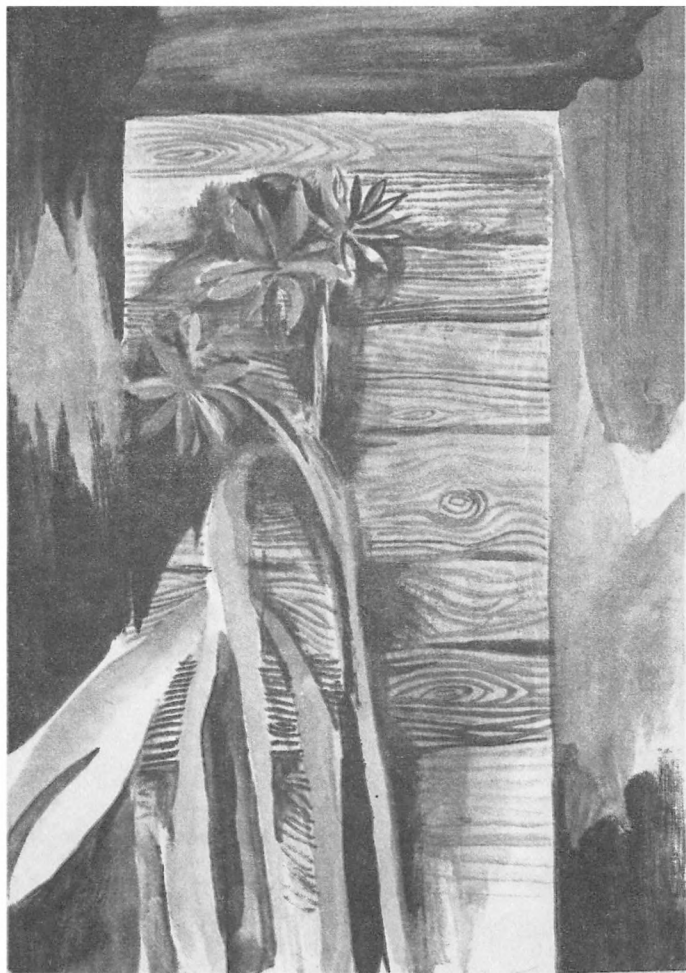
В деревне благодарен дому
И благодарен кровле, благодарен печке,
Особенно когда деревья гнутся долу
И ветер гасит звезды, словно свечки.

Сверчку в деревне благодарен,
И фитилю, и керосину.
Особенно когда пурга ударит
Во всю медвежью голосину.

Соседу благодарен и соседке,
Сторожевой собаке.
Особенно когда луна сквозь ветки
Глядит во мраке.

И благодарен верному уму
И доброму письму в деревне...
Любви благодаренье и всему,
Всему — благодаренье!

1964

ДВОРИК МИЦКЕВИЧА

Здесь жил Мицкевич. Как молитва.
Звучит пленительное: Litwo,
Ojczyzno moja. Словно море
Накатывается: O, Litwo,
Ojczyzno moja.
Квадратный дворик. Монолитно,
Как шаг в заброс,
Звучит звенящее: O, Litwo,
Ojczyzno moja!
И как любовь, как укоризна,
Как признак боли,
Звучит печальное: Ojczyzno,
Ojczyzno moja.
Мицкевич из того окошка
Глядел на дворик,
Поэт. он выглядел роскошно,
Но взгляд был горек.
Он слышал зароженье ритма.
Еще глухое,
Еще далекое: O, Litwo,
Ojczyzno moja!

1964

* * *

Весь лес листвою переполнен.
Он весь кричит: тону! тону!
И мы уже почти не помним,
Каким он был семь дней тому.

Как забывается дурное!
А память о счастливом дне,
Как излученье роковое,
Накапливается во мне.

Накапливается, как стронций
В крови. И жжет меня дотла —
Лицо, улыбка, листья, солнце.
О горе! Я не помню зла!

1964

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Профессор Уильям Росс Эшби
Считает мозг негибкой системой.
Профессор, наверное, прав.
Ведь если бы мозг был гибкой системой,
Конечно, он давно бы прогнулся,
Он бы прогнулся, как лист жести, —
От городского гула, от скоростей,
От крика динамиков, от новостей,
От телевидения, от похорон,
От артиллерии, от прений сторон,
От угроз, от ложных учений,
Детективных историй, разоблачений,
Прогресса наук, семейных дразг,
Отсутствия денег, актерских масок,
Понятия о бесконечности, успеха поэзии,
Законодательства, профессии,
Нового в медицине, неразделенной любви,
Несовершенства.
Но мозг не гибок. И оттого
Стоит, как телеграфный столб,
И только гудит под страшным напором.
И все-таки остается прямым.
Мне хочется верить профессору Эшби
И не хочется верить писателю Кафке.
Пожалуйста, выберите время,
Выключите радио, отоспитесь
И почувствуете в себе наличие мозга,
Этой мощной и негибкой системы.

1964

С ЭСТРАДЫ

Вот я перед вами стою. Я один.
Вы ждете какого-то слова и знания,
А может — забавы. Мол, мы поглядим,
Здесь львиная мощь или прыть обезьянья.

А я перед вами гол как сокол.
И нет у меня ни ключа, ни отмычки.
И нету рецепта от бед и от зол.
Стою перед вами, как в анатомичке.

Учитесь на мне. Изучайте на мне
Свои неудачи, удачи, тревоги.
Ведь мы же не клоуны,
но мы и не боги.
И редко случается быть на коне!

Вот я перед вами стою. Я один.
Не жду одобрения или награды.
Стою у опасного края эстрады,
У края, который непереходим.

1964

ПАМЯТЬ

Е. Л.

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь.
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут.

И там, в пернатой памяти моей,
Все сказки начинаются с «однажды».
И в этом однократность бытия
И однократность утоленья жажды.

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

1964

ПЕРЕД СНЕГОМ

И начинает уставать вода.
И это означает близость снега.
Вода устала быть ручьями, быть дождем,
По корню подниматься, падать с неба.
Вода устала петь, устала течь,
Сиять, струиться и переливаться.
Ей хочется утратить речь, залечь
И там, где залегла, там оставаться.

Под низким небом, тяжелой свинца,
Усталая вода сияет тускло.
Она устала быть самой собой.
Но предстоит еще утратить чувства,
Но предстоит еще заледенеть
И уж не петь, а, как броня, звенеть.

Ну, а покуда в мире тишина.
Торчат кустов безлиственные прутья.
Распутица кончается. Распутья
Подмерзли. Но земля еще черна.
Вот-вот повалит первый снег.

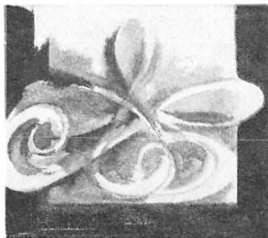
1964

И всех, кого любил,
Я разлюбить уже не в силах!
А легкая любовь
Вдруг тяжелеет
И опускается на дно.

И там, на дне души, загустевает,
Как в погребке зарытое вино.

Не смей, не смей из глуби доставать
Все то, что там скопилось и окрепло!
Пусть хранится глухо, немо, слепо,
Пусть! А если вырвется из склепа,
Я предпочел бы не существовать,
Не быть...

1965

ПЕСТЕЛЬ, ПОЭТ И АННА

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.

А Пестель думал: «Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем».
Он думал: «И конечно, расцветет
Его талант, при должном направленьи,
Когда себе Россия обретет
Свободу и достойное правленьи».
— Позвольте мне чубук, я закурю.
— Пожалуйте огня.
— Благодарю.

А Пушкин думал: «Он весьма умен
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?»

Шел разговор о равенстве сословий.
— Как всех равнять? Народы так бедны, —
Заметил Пушкин, — что и в наши дни
Для равенства достойных нет сословий.
И потому дворянства назначенье —
Хранить народа честь и просвещенье.
— О, да, — ответил Пестель, — если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
— Увы, — ответил Пушкин, — тех основ
Не пожалеет разве Пугачев...

— Мужичкии бунт бессмыслен... —

За окном

Не умолкая распевала Анна.

И пахнул двор соседа-молдавана

Бараньей шкурой, хлебом и вином.

День наполнялся нежной синевою,

Как ведра из бездонного колодца.

И голос был высок: вот-вот сорвется.

А Пушкин думал: «Анна! Боже мой!»

— Но, не борясь, мы потакаем злу, —

ответил Пестель, — бережем тиранство.

— Ах, русское тиранство-дилетантство,

Я бы учил тиранов ремеслу, —

Ответил Пушкин.

«Что за резвый ум, —

Подумал Пестель, — столько наблюдений

И мало основательных идей».

— Но тупость рабства сокрушает гений!

— На гения отыщется злодей. —

Ответил Пушкин.

Впрочем, разговор

Был славный. Говорили о Ликурге,

И о Солоне, и о Петербурге,

И что Россия рвется на простор.

Об Азии, Кавказе, и о Данте,

И о движенье князя Ипсиланти.

Заговорили о любви.

— Она, —

Заметил Пушкин, — с вашей точки зренья

Полезна лишь для граждан умноженья

И, значит, тоже в рамки введена. —

Тут Пестель улыбнулся.

— Я душой

Матерьялист, но протестует разум. —

С улыбкой он казался светлоглазым.
И Пушкин вдруг подумал: «В этом соль!»
Они простились. Пестель уходил
По улице разъезженной и грязной,
И Александр, разнеженный и праздный,
Рассеянно в окно за ним следил.
Шел русский Брут. Глядел вослед ему
Российский гений с грустью без причины.

Деревья, как зеленые кувшины,
Хранили утра хлад и синеву.
Он эту фразу записал в дневник —
О разуме и сердце. Лоб наморщив.
Сказал себе: «Он тоже заговорщик.
И некуда податься, кроме них».

В соседний двор вползла каруца цугом,
Залаял пес. На воздухе упругом
Качались ветки, полные листвою.
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал — распевает Анна.
И задохнулся:
«Анна! Боже мой!»

Вода моя! Где тайники твои,
Где ледники, где глубина подвала?
Струи ручья всю ночь, как соловьи,
Рокочат в темной чаше краснотала.

Ах, утоли меня, вода ручья,
Кинь в губы мне семь звезд, семь терпких ягод,
Кинь, в краснотале черном рокоча,
Семь звезд, что предо мной созвездьем лягут.

Я притаюсь, притихну, как стрелок,
Боящийся спугнуть семью оленей.
Ручей лизнет мне руку, как телок,
И притулится у моих коленей.

1965

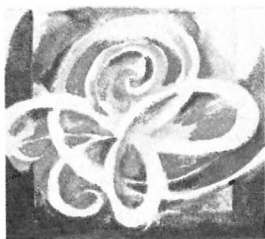
НАЗВАНЬЯ ЗИМ

У зим бывают имена.
Одна из них звалась Наталья.
И было в ней мерцанье, тайна,
И холод, и голубизна.

Еленою звалась зима,
И Марфою, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.

И были дни, и падал снег,
Как теплый пух зимы туманной...
А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.

1965

Была туманная луна,
И были нежные березы...
О март-апрель, какие слезы!
Во сне какие имена!

Туман весны, туман страстей,
Рассудка тайные угрозы...
О март-апрель, какие слезы —
Спросонья, словно у детей!..

Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О март-апрель, какие слезы —
Причины и названья нет!

Вдали, за гранью голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О март-апрель, какие слезы!
О чем ты плачешь? Что с тобой?

1966

Химера самосохраненья!
О, разве можно сохранить
Невыветренными каменья
И незапутанною нить!

Но ежели по чьей-то воле
Убережешься ты один
От ярости и алкоголя,
Рождающих холестерин:

От совести, от никотина,
От каверзы и от ружья, —
Ведь все равно невозвратима
Незамутненность бытия.

Но есть возвышенная старость,
Что грозно вызревает в нас,
И всю накопленную ярость
Приберегает про запас,

Что ждет назначенного срока
И вдруг отбрасывает щит.
И тычет в нас перстом пророка
И хриплым голосом кричит.

1966

ПРЕДМЕСТЬЕ

Там наконец, как пуля из ствола,
Поезд метро вылетает из-под земли.
И вся округа наклонна.

Там дивная церковь,
Оранжевая с белым,
Слегка накренься, как в танце на льду,
Медленно откатывается вбок.

Там, в поредевших рощах,
Белые дома —
Макеты рационального воображения.
Но земля не занята городом.

Там воздух листвен.
Там иволга садится на балкон.

Там балконные двери —
Летки человеческого пчельника.
Вечером светятся окна
Пузырьками искусственных сотов.

Там ветер намывает флаг,
И свежее полотнище, пахнущее арбузом,
Хлобыщет небо.

1966

ВЫЕЗД

Помню — папа еще молодой.
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик — лихой, завитой.
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве — допотопный трамвай,
Где прицепом старинная конка.
А над Екатерининским — грай.
Все впечаталось в память ребенка.

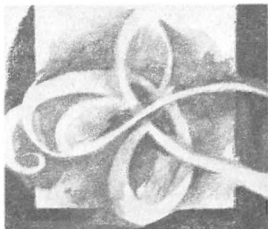
Помню — мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем!

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
И потом — купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода.
Конь горяч. И пролетка крылата.
И мы едем, незнамо куда, —
Все мы едем и едем куда-то.

1966

НА ДУНАЕ

О. краткое очарованье
Плывущих мимо кораблей!
А после разочарованье
От бронзы бывших королей.

Сидят державные солдаты,
Как задремавшие орлы.
А корабли плывут куда-то,
Как освещенные балы.

Здесь варвары на земли Рима
Запечатлели свой набег.
Но все равно — плывущий мимо
Прекрасней ставшего на брег.

1966

* * *

Получил письмо из далека,
Гордое, безумное и жаждающее,
Но пока оно свершало шествие,
Между нами пролегли века.

Выросли деревья, смолкли речи,
Отгремели времена.
Но опять прошу я издалече:
Анна! Защити меня!

Реки утекли, умчались птицы,
Заросли дороги. Свет погас.
Но тебе порой мой голос снится:
Анна! Защити обоих нас!

1966

РЯБИНА

Так бы длинно думать,
Как гуси летят.
Так бы длинно верить,
Как листья шелестят.
Так бы длинно любить,
Как реки текут...
Руки так заломить,
Как рябиновый куст.

1966

СМЕРТЬ ПОЭТА

Что ж ты заводишь
Песню военну,
Флейте подобно,
Милый снегирь?

Державин

Я не знал в этот вечер в деревне,
Что не стало Анны Андреевны,
Но меня одолела тоска.
Деревянные дудки скворещен
Распевали. И месяц навешен
Был на голые ветки леска.

Провода электрички чертили
В небесах невесомые кубы.
А ее уже славой почтили
Не парадные залы и клубы,
А лесов деревянные трубы,
Деревянные дудки скворещен.
Потому я и был безутешен,
Хоть в тот вечер не думал о ней.

Это было предчувствием боли,
Как бывает у птиц и зверей.

Просыревшей тропинкою в поле,
Меж сугробами, в странном уборе
Шла старуха всех смертных старей.

Шла старуха в каком-то капоте,
Что свисал, как два ветхих крыла.
Я спросил ее: «Как вы живете?»
А она мне: «Уже отжила...»

В этот вечер ветрами отпето
Было дивное дело поэта.

И мне чудилось пенье и звон.
В этот вечер мне чудилась в лесе
Красота похоронных процессий
И торжественный шум похорон.

С Шереметьевского аэродрома
Доносилось подобие грома.
Рядом пели деревья земли:
«Мы ее берегли от удачи,
От успеха, богатства и славы,
Мы, земные деревья и травы,
От всего мы ее берегли».

И не ведал я, было ли это
Отпеванием времени года,
Воспеваньем страны и народа
Или просто кончиной поэта.
Ведь еще не успели стихи,
Те, которыми нас одаряли,
Стать гневливой волною в Дарьяле
Или ветром в молдавской степи.

Стать туманом, птицей, звездой
Иль в степи полосатой верстой
Суждено не любому из нас.
Стихотворства тяжелое бремя
Прославляет стоустое время.
Но за это почтут не сейчас.

Ведь она за свое воплощенье
В снегиря царскосельского сада
Десять раз заплатила сполна.
Ведь за это пройти было надо
Все ступени рая и ада,
Чтоб себя превратить в певуна.

Все на свете рождается в муке —
И деревья, и птицы, и звуки.
И Кавказ. И Урал. И Сибирь.
И поэта смежаются веки.
И еще не очнулся на ветке
Зоревой царкосельский снегирь.

1966

* * *

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.

1966

БЛОК. 1917

В тумане старые дворцы
Хирели,
Красногвардейские костры
Горели.
Он вновь увидел на мосту
И ангела, и высоту.
Он вновь услышал чистоту
Свирели.

Не музыка военных флейт,
Не звездный отблеск эполет,
Не павший ангел, в кабарет
Влетевший — сбросить перья...
Он видел ангела, звезду,
Он слышал флейту, и на льду
Невы он видел полынью
Рождественской купелью.

Да, странным было для него
То ледяное рождество,
Когда солдатские костры
Всю ночь во тьме не гасли.
Он не хотел ни слов, ни встреч,
Немела речь,
Не грела печь,
Студеный ветер продувал
Евангельские ясли.

Волхвы, забившись в закутки,
Сидели, кутаясь в платки, —
Пережидали хаос.
И взглядывали из-за штор,
Как полыхал ночной костер,
Как пламя колыхалось.

«Волхвы! Я понимаю вас,
Как трудно в этот грозный час
Хранить свои богатства,
Когда веселый бунтовщик
К вам в двери всовывает штык
Во имя власти и земли,
Республики и братства.

Дары искусства и наук,
Сибирских руд, сердечных мук,
Ума и совести недуг —
Вы этим всем владели.
Но это все не навсегда.
Есть только ангел и звезда,
Пустые ясли и напев
Той, ледяной свирели».

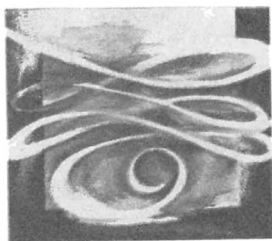
Да, странным было для него
То ледяное рождество
Семнадцатого года.
Он шел и что-то вспоминал,
А ветер на мосту стенал,
И ангел в небе распевал:
«Да здравствует свобода!»

На мосте грелись мужики,
Веселые бунтовщики.
Их тени были велики.
И уходили патрули
Вершить большое дело.
Звезда сияла. И во мгле
Вдали тревогу пел сигнал.
А рядом «Интернационал»
Свирель тревожно пела.

Шагал патруль. Вот так же шли
В ту ночь седые пастухи
За ангелом и за звездой,
Твердя чужое имя.
Да, странным было для него
То ледяное рождество,
Когда солону ветер греб
Над яслями пустыми.

Полз броневик. Потом солдат
Угрюмо спрашивал мандат.
Куда-то прошагал отряд.
В котле еда дымилась.
На город с юга шла метель.
Замолкли ангел и свирель.
Снег запорошивал купель.
И все в снегу затмилось...

1967

АПРЕЛЬСКИЙ ЛЕС

Давайте каждый день приумножать богатство
Апрельской тишины в безлиственном лесу.
Не надо торопить. Не надо домогаться,
Чтоб отроческий лес скорей отер слезу.

Ведь нынче та пора, редчайший час сезона,
Когда и время — вспять и будет молодеть,
Когда всего шальней растрепанная крона
И шапку не торопится надеть.

О, этот странный час обратного движения
Из старости!.. Куда?.. Куда — не все ль равно!
Как будто корешок волшебного женьшеня
Подмешан был вчера в холодное вино.

Апрельский лес спешит из отрочества в детство.
И воды вспять текут по талому ручью.
И птицы вспять летят... Мы из того же теста —
К начальному, назад, спешим небытию...

1968

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вот сюда везли жандармы
Тело Пушкина (О, милость
Государя!). Чтоб скорей,
Чтоб скорей соединилось
Тело Пушкина с душой
И навек угомонилось.

Здесь, совсем недалеко
От Михайловского сада,
Мертвым быть ему легко,
Ибо жить нигде не надо.
Слава богу, что конец
Императорской приязни
И что можно без боязни
Ждать иных, грядущих дней.
Здесь, совсем недалеко
От Михайловского дома,
Знать, что время невесомо,
А земля всего родней, —
Здесь, совсем невдалеке
От заснеженной поляны,
От Тригорского и Анны,
От мгновенья Анны Керн;
Здесь — на шаг от злой судьбы,
От легенд о счастье мнимом,
И от кухни, полной дымом,
И от девичьей избы.

Ах, он мыслил об ином,
И тесна казалась клетка...
Смерть! Одна ты домоседка
Со своим веретеном!

Вот сюда везли жандармы
Тело Пушкина... Ну что ж!

Пусть нам служит утешеньем
После выплывшая ложь,
Что его пленяла ширь,
Что изгнанье не томило...
Здесь опала. Здесь могила.
Святогорский монастырь.

1968

В воздухе есть напряженье
Солнечной грубой зимы.
Может быть, это — бесснежье
Остро почувляли мы.

То, что замыслено где-то,
Осуществляется в нас:
Перемещение света
И уплотнение масс.

Наши бессмертные души
Зреют не в нас, а вовне.
И, загораясь снаружи,
Перегорают во мне.

1968

НОЧНОЙ СТОРОЖ

В турбазе, недалеко от Тапы,
Был необычный ночной сторож.
Говорили, что ночью он пишет ноты
И в котельной играет на гобое.
Однажды мы с ним разговорились
О Глюке, о Моцарте и о Гайдне.
Сторож достал небольшой футлярчик
И показал мне гобой.
Гобой лежал, погруженный в бархат,
Разъятый на три неравные части,
Черный, лоснящийся и холеный,
Как вороны в серебряной сбруе.
Сторож соединил трубки,
И черное дерево инструмента
Отозвалось камергерскому блеску
Серебряных клапанов и регистров.
Я попросил сыграть. И сторож
Выдул с легкостью стеклодува
Несколько негромких пассажей...
Потом он встал в концертную позу
И заиграл легко, как маэстро,
Начало моцартовского квартета.
Но вдруг гобой задохнулся и пискнул.
И сторож небрежно сказал: «Довольно!»

Он не мог играть на гобое,
Потому что нутро у него отбито
И легкие обожжены войною.
Он отдышался и закурил...
Вот почему ночной сторож
Играет по ночам в котельной,
А не в каком-нибудь скромном джазе
Где-нибудь в загородном ресторане.

Благодарите судьбу, поэты,
За то, что вам не нужно легких,
Чтоб дуть в мундштук гобоя и флейты,
Что вам не нужно беглости пальцев,
Чтоб не спотыкаться на фортепиано,
Что вам почти ничего не нужно, —
А все, что нужно,
Всегда при вас.

1968

Я ехал по хólмам Богемии,
Где хмель зеленел вдоль шоссе,
И слушал, что́ хмеля цветение
Моей говорило душе.

Та почва тяжелая, красная
И хмеля зеленый дымок
Тогда говорили про разное,
Про то, что понять я не мог.

Я ехал по хólмам Богемии,
Вкушая движенье и цвет,
И был я намного блаженнее
В неведение будущих бед.

1968

* * *

Тот дивный, давний спор
Приходит мне на память...
Довольно ум тиранить!
Сто лет прошло с тех пор!

Тот спор кипел тогда,
Так молод, смел и страстен!
Он был скорей согласьем,
Но в этом ли беда?

Беда пришла потом,
Когда не стало спора,
И — спорщики — мы скоро
Покинули тот дом.

От спора мы ушли.
И стало все бесспорно...
Но брошенные зерна
Вдруг дерзко проросли.

Порою из-за штор
Я слышу довод ярый,
И перебор гитары,
И дивный давний спор...

1968

ПУСТЫРЬ

Подвыпившие оркестранты,
Однообразный цок подков.
А мне казалось — там пространство,
За садом баронессы Корф.

Там были пустыри, бараки,
И под кладбищенской стеной
Храпели пыльные бродяги,
Не уходившие домой.

А кладбище цвело и пело
И было островом травы.
Туда бесчувственное тело
Везли под грузный вздох трубы.

Но дальше уходили трубы
Вдоль белокаменной стены,
И марши не казались грубы,
А вдохновенны и нежны.

Над белым куполом церковным
Вдруг поднималось воронье.
А дальше — в свете безгреховном
Пространство и небытие.

И светом странным и заветным
Меня пронизывал дотла
При звуках музыки посмертной
Осколок битого стекла.

1968

Мне снился сон жестокий
Про новую любовь.
Томительно и нежно
Звучавшие слова.
Я видел твоё платье,
И туфли, и чулки
И даже голос слышал.
Но не видал лица.

О чём меня просила?
Не помню. Повтори.
Опять с такой же силой
Со мной заговори.
И снова в сновиденье
Случайное вернись.
Не надо завершенья,
Но только повторись!

Ведь в этой жизни смутной,
Которой я живу,
Ты только сон минутный,
А после, наяву —
Не счастье, не страданье,
Не сила, не вина,
А только ожиданье
Томительного сна.

1968

Расставанье;
Век спустя после прощанья,
Ты звучишь во мне, как длинное стенанье,
Как стенанье ветра за стеной.
Расставанье,
Мне уже не нужное,
Стонешь ты, как женщина недужная,
Где-то за туманной пеленой.

Пробуждаюсь.
Вместе с пробуждением
Оборвался звук. Но странным пеньем
Я разбужен был. Так где оно?
Я однажды в детстве слышал это:
Женский вопль далеко до рассвета,
Замиравший медленно вдали.
Мне казалось — это похищенье
Женщины. Куда ее влекли?

Так со мной бывает спозаранок,
Когда что-то нарушает сон.
Слышу похищенье сабинянок —
Длинный, удаляющийся стон.

1968

КОНЕЦ ПУГАЧЕВА

Вьются тучи, как знамена,
Небо — цвета кумача.
Мчится конная колонна
Бить Емельку Пугача.

А Емелька, царь Емелька,
Страхолюдина-бандит,
Бородатый, пьяный в стельку,
В чистой горнице сидит.

Говорит: «У всех достану
Требушину из пупа.
Одного губить не стану
Православного попа.

Ну-ка, батя, сядь-ка в хате,
Кружку браги раздави.
И мои степные рати
В правый бой благослови!..»

Поп ему: «Послушай, сыне!
По степям копытный звон.
Слушай, сыне, ты отныне
На погибель обречен...»

Как поднялся царь Емеля:
«Гей вы, бражники-друзья!
Или силой оскудели,
Мои князи и графья?»

Как он гаркнул: «Где вы, князи?!»,
Как ударил кулаком,
Конь всхрапнул у коновязи
Под ковровым чепраком.

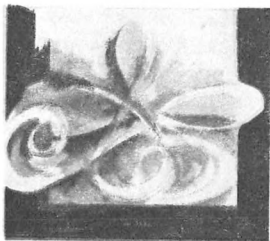
Как прощался он с Устиньей,
Как коснулся алых губ,
Разорвал он ворот синий
И заплакал, душегуб.

«Ты зови меня Емелькой,
Не зови меня Петром.
Был, мужик, я птахой мелкой,
Возмечтал парить орлом.

Предадут меня сегодня,
Слава богу — предадут.
Быть (на это власть господня!)
Государем не дадут...»

Как его бояре встали
От тесового стола.
«Ну, вяжи его, — сказали, —
Снова наша не взяла».

1968

СОВЕТЧИКИ

Приходили ко мне советчики
И советовали, как мне быть.
Но не звал я к себе советчиков
И не спрашивал, как мне быть.

Тот советовал мне уехать,
Тот советовал мне остаться,
Тот советовал мне влюбиться,
Тот советовал мне расстаться.

А глаза у них были круглые,
Совершенно как у лещей.
И шатались они по комнатам,
Перетрогали сто вещей:

Лезли в стол, открывали ящики,
В кухне лопали со сковород.
Ах уж эти мне душеприказчики,
Что за странный они народ!

Лупоглазые, словно лещики,
Собирались они гурьбой,
И советовали мне советчики
И советовались между собой.

Ах вы, лещики, мои рыбочки,
Вы, пескарики-голавли!
Ах спасибо вам, ах спасибочки,
Вы мне здорово помогли!

1968

СТАРЫЙ САД

Забор крапивою зарос,
Но, несмотря на весь разор,
Необычайно свеж рассол
Настоянных на росах зорь.

Здесь был когда-то барский сад
Где молодой славянофил
Следил, как закипает таз
Варенья из лиловых слив.

Он рассуждал: «Недаром нить
Времен у нас еще крепка».
И отпирал старинный шкаф,
Где красовался Ламартин.

Читал. Под деревенский гул
Вдруг засыпал. Чадил ночник.
И долго слышен был чекан
Кузнечика в ночном лугу.

1968

БЕРЕЗНЯК

Так березняк беспечен, словно он
К российским бедам не причастен,
Воронами от зла заговорен
И над своей судьбой свободно властен.

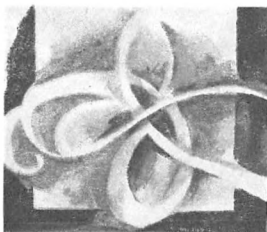
Роскошный иней украшает лес.
Еще светлей березовая роща.
Как будто псковичи с резных крылец
Сошли на вечерую площадь.

Ах, это вече! Русская мечта,
Похищенная из ганзейских вотчин!
Перед бесчинством царского меча
Как колокол березовый непрочен.

И наша деревенская судьба,
Еще не став судьбою городской,
Одним нас наградила навсегда —
Серебряной березовой мечтою!..

О жаркая, о снежная березка!
Мое поленце, веничек и розга!..

1968

* * *

Мне снился сон. И в этом трудном сне
Отец, босой, стоял передо мною.
И плакал он. И говорил ко мне:
— Мой милый сын! Что случилось с тобою!

Он проклинал наш век, войну, судьбу.
И за меня он требовал расплаты.
А я смиренно говорил ему:
— Отец, они ни в чем не виноваты.

И видел я. И понимал вдвойне,
Как буду я стоять перед тобою
С таким же гневом и с такой же болью...
Мой милый сын! Увидь меня во сне!..

1969

Хочу, чтобы мои сыны
и их друзья
несли мой гроб
в прекрасный праздник погребенья.
Чтобы на их плечах
сосновая ладья
плыла неспешно,
но без промедленья.

Я буду горд и счастлив
в этот миг
переселенья в землю,
что слуха мне не ранит
скорбный крик,
что только небу
внемлю.

Как жаль, что не услышу тех похвал,
и музыки,
и пенья!
Ну что же!
Разве я существовал
в свой день рожденья!

И все ж хочу,
чтоб музыка лилась,
ведь только дважды дух ликует:
когда ещё не существует нас,
когда уже не существует.

И буду я лежать
с улыбкой мертвеца
и неподвластный
всем недугам.

И два беспамятства —
начала и конца —
меня обнимут
музыкальным кругом.

1969

Неужели всю жизнь надо маяться!
А потом
от тебя
останется —
Не горшок, не гудок, не подкова, —
Может, слово, может, полслова —
Что-то вроде сухого листочка,
Тень взлетевшего с крыши стрижа
И каких-нибудь полглоточка
Эликсира,
который — душа.

1969

Там дуб в богатырские трубы
Играет на сильном холме.
Но светлые, тихие струны
Звучат на душе и в уме.

И слиться с землею и небом
Мечтает беспечный артист,
С закатом, где тополь над берегом
Так легок, летуч и ветвист.

Какое прекрасное свойство —
Уметь отрешиться от зла,
Бродить, постигая устройство
Пространства, души, ремесла!

Слияния легкая тризна!
Дубы замолкают тогда.
И грозные трубы отчизна
Сменяет на флейту дрозда.

1969

Не мысль, не слово — а под снегом,
Подобный напряженным слегам,
Отяжелевший вечный смысл
Повелевает мне: — Проснись!

И странно: в ясности речений
Какая-то есть пустота.
И может только свет вечерний
Заполнить общие места.

И трудно спать перед закатом
И просыпаться в странный час,
Когда над снегом розоватым
Березы высятся, светясь.

1969

То осень птицы легче
Опустится на плечи
Осиновым листом...
Но это все потом.

И графика пейзажей,
Изображенных сажей
На воздухе пустом...
Но это все потом.

А что было вначале?
Какие-то печали,
Вошедшие в мой дом...
Нет! Это все потом!

1969

Д. К.

Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадежный и нагой.
Вся наша жизнь — самосожженье,
Но сладко медленное тленье
И страшен жертвенный огонь...

1970

Возвращенье от Анны,
Возвращенье ко мне.
Отпаденье от камня,
Восхожденье к волне.

До свидания, память,
До свиданья, война,
До свидания, камень,
И да будет волна!

Память — смертным отрада,
Камень — мертвым почет.
А благая прохлада
Пусть течет и течет.

До свидания, слава.
До свиданья, беда.
Ведь с волной нету слада,
И она — навсегда.

Память, память, ты — камень,
Ты под стать валуну.
Все равно мы не канем,
Погрузившись в волну.

До свиданья, Державин
И его времена.
До свидания, камень,
И да будет волна!

Нет! Отнюдь не забвенье,
А прозрение в даль.
И другое волнение,
И другая печаль.

И другое сверканье,
И сиянье без дна...
До свидания, камень!
И да будет волна!

1970

ЛЕГКАЯ САТИРА

Торопимся, борясь за справедливость,
Позабывая про стыдливость
Исконных в нас, немых основ,
Которые причина снов.
Порой душой командуя, как телом,
Считаем покаянье главным делом
И, может, даже посрамленьем зла.
И тут закусываем удила.
Хоть собственной души несовершенство
Вкушаем, как особое блаженство.
Тогда природа помогает нам
И особенно чижики и дятлы
Или сосны растрепанные патлы.
И мы приходим к ним, как в божий храм.
Нас восхваляет критик наш румяный,
Метафоры любитель и ловец.
И наконец покровы истины туманной
Слетают с ясной стройности словес.

1970

ПОЭТ И СТАРОЖИЛ

...не для битв...

...для молитв...

*(Рифмы из стихотворения
Пушкина)*

Поэт

Скажите, гражданин, как здесь пройти
До бани?

Старожил

Баня нынче выходная.
Зато на Глеб Успенского — пивная.
Там тоже можно время провести.

Поэт

Ну что ж!

Старожил

Как раз и я иду туда.
Приезжий?

Поэт

Да.

Старожил

У нас не скучно!

Поэт

Да.

Старожил

По делу?

Поэт

Нет.

Старожил

К родне?.. И я вот к брату
На отпуск собираюсь восемь лет.
То захвораю... Или денег нет.
А прошлым годом прогулял зарплату...
Ты не Петрова брат?

Поэт

Да нет.

Старожил

Постой!

Давай-ка два рубля. Вон-он мага́зин...
А там, в пивной, ее пивком подкрасим...
Я мигом. Вижу — парень ты простой.
Весь в брата.

Поэт

Нету брата у меня.

Старожил

Ну весь в сестру. Ведь и сестра — родня.
Порядок. На-ка сдачу... Эко горе!
Пивная — елке в корень! — на запоре!..
В столовой пить придется под компот.
Там пива нет!.. А где сестра живет?
Она бы нам поставила закуски.
И вместе погуляли бы по-русски.

Поэт

Да у меня родни и вовсе нет.

Старожил

Так бы сказал... А сам ты кто?

П о э т

Поэт.

С т а р о ж и л

Вот то-то вижу, будто не из наших!
Выходит — пишешь?.. Я люблю читать.
Да время нет... Могу и тему дать!
А ты ее возьмешь на карандашик...
Есенин был поэт! Моя старушка,
Мол, в старомодном ветхом шушуне...
Как сказано!.. А Пушкин? «Где же кружка?..»
Бери себе стакан!

П о э т

Пожалуй, мне

Пора...

С т а р о ж и л

И впрямь! Чего сидеть без толку...
Ну, со свиданьем!.. А ты чего ж?
Тяни... Задумался!.. Уже хорош?
А-а! Выпятил полтинники на Лорку!

П о э т

(очнувшись)

Что? Федерико?..

С т а р о ж и л

Ей цена-то грош!
Конечно, все при ней: станочек, грудь...
Эй, Лорочка, товарищу поэту
И мне подай два раза винегрету!..
А ты бы рассказал про что-нибудь.

П о э т

А было так. Он на снегу сидел.
А замполита увели куда-то.
Вблизи него немецкие солдаты
Переговаривались. День скудел.
Слегка смеркалось. Из-за перелесиц
Вступали тучи реденьким гуртом.
И, как рожок, бесплотный полумесяц
Легко висел на воздухе пустом.
Нога не мучила. А только мерзла.
Он даже улыбался. Страх прошел.
Бой утихал вдали. За лесом грозно,
Как моисеев куст, пылал костел.
Пришел какой-то чин. Но небольшой.
Он так же был небрит, как эти трое.
За лесом выцветали шумы боя.
Хотелось пить. Нога была чужой.
Солдаты сели есть. Один из них
Достал сухарь. И дал ему. Однако
Есть не хотелось. Думал о своих:
Какая неудачная атака!
Он думал о себе, как о ноге:
Душа была чужой, но не болела.
Он сам не мерз. В нем что-то леденело.
Еще вверху плыл месяц налегке,
Но словно наливался. От еды
Они согрелись. Те, что помоложе,
Подначивали третьего. Похоже,
От них не надо было ждать беды.
Тот, третий, подошел. Он был и мал,
И худ, и стар. И что-то он сказал.
Что — непонятно. Пленный без испуга
Соображал. И понял. Было туго
Вставать. И все ж он встал, держа сухарь.
Уже был месяц розов, как янтарь.

Те тоже подошли. И для чего-то
Обшарили его. Достали фото
Жены и сына. Фото было жаль.
Он поднял руки, но держал сухарь.
Разглядывали фото. И вернули.
И он подумал: это хорошо!
Потом его легонько подтолкнули.
Он сразу понял. И с трудом пошел.
Он мог идти. Он отправлялся в путь.
И это вдруг его приободрило.
«Видать, не очень сильно зацепило...
Дойти бы только... там уж как-нибудь...»
Додумать не успел. Невдалеке
Рвануло эхо. Звук был слишком резок.
Он закричал. И, словно был подрезан,
Свалился навзничь с сухарем в руке.
Упал. И дернулся последний раз.
И остывал, не закрывая глаз.
Три немца прочь ушли. Еще дымился
Костер. И месяц наверху налился
И косо плыл по дыму, как ладья.

С т а р о ж и л

Ты это видел?

П о э т

Это был не я.

1970

БАЛКАНСКИЕ ПЕСНИ

Эти стихи навеяны чтением народных песен сербов, болгар и румын. В их поэзии я нахожу много общего. «Подражание» не кажется мне словом более зазорным, чем «учение» или, как чаще говорят в наше время, «учеба».

1. ПЕСНЯ О КУЗНЕЦЕ

Подъезжает солдат:
— Ты подкуй-ка мне, брат,
вороного! —
А кузнец бьет-бьет,
он солдату кует
подкову.

Подъезжает на рысях
эскадрон: — Так и сяк,
ты подкуй нам коней
толково. —
А кузнец бьет-бьет,
эскадрону кует
подковы.

Подъезжает целый полк:
— Ты в работе знаешь толк,
не сыскать кузнеца
такого! —
А кузнец бьет-бьет,
и полку он кует
подковы.

И в пыли, как в дыму,
войско целое к нему:

— Ты подкуй нам коней
по-свойски! —
А кузнец бьет-бьет,
он подковы кует
для войска...

Ускакал солдат,
ускакал отряд,
скрылся полк за холмом,
скрылось войско за полком...
а кузнец бьет-бьет,
а кузнец бьет-бьет,
бьет-бьет,
бьет.

2. ПРОЩАНИЕ ЮНАКА

Ты скажи, в стране какой,
в дальнем городе каком
мне куют за упокой
сталь-винтовку со штыком?

Грянет выстрел. Упаду,
пулей быстрою убит.
Каркнет ворон на дубу
и в глаза мне поглядит.

В этот час у нас в дому
мать уронит свой кувшин
и промолвит: — Ах, мой сын! —
И промолвит: — Ах, мой сын!..

Если в город Банья Лука
ты приедешь как-нибудь,
остановишься у бука
сапоги переобуть,

ты пройди сперва базаром,
выпей доброго вина,
а потом в домишке старом
мать увидишь у окна.

Ты взгляни ей в очи прямо,
так, как ворон мне глядит.
Пусть не знает моя мама,
что я пулею убит.

Ты скажи, что бабу-ведьму
мне случилось полюбить.
Ты скажи, что баба-ведьма
мать заставила забыть.

Мать уронит свой кувшин,
мать уронит свой кувшин.
И промолвит: — Ах, мой сын! —
И промолвит: — Ах, мой сын!..

3. ПЕСНЯ О ПОСТРОЕНИИ КЛАДЕНЦА

Надо выкопать колодец,
надо выкопать его.
Пусть живет в колодце жаба —
неземное существо.

Будет, будет эта жаба
петь в колодце по ночам.
Будет месяц литься слабо
к золотым ее очам.

И увидит эта жаба
наверху одну звезду.
И уронит эта жаба
серебристую слезу.

И придет к колодцу странник,
и опустит он бадью.
И со дна слезу достанет
серебристую твою.

И отыщет странник место
на горе в густом лесу.
И построит целый город
на одну твою слезу.

В этом городе во храме
засияет семь лампад.
Грянет колокол утрами
и в дробинку и в раскат.

Семь невест придут к колодцу.
Бросят в воду семь колец,
чтобы семь веков не падал
семивратный Кладенец.

4. ПЕСНЯ О ПОХОДЕ

А. Я.

Как в поход собирался Вук,
говорил ему старый друг,
старый друг воевода Милош:
— Чем могу помочь тебе, Вук,
если руки не держат лук
и копьё мое преломилось?

Я гляжу как сквозь тусклый лёд
и не бью уже птицу влет,
не валю на скаку зверя.
Зажирел мой конь от овса.
И ни в сына, и ни в отца,
и ни в чох, ни в сон я не верю.

И отвечивал Вук: — Ну что ж!
Если ты для битвы негож
и не веришь в святого духа,
я и сам воевать могу.
— Чем же я тебе помогу? —
снова Милош спросил у Вука.

— А помочь мне? Можешь помочь.
У меня остается дочь
и младенец о третьем годе.
Если долго я не приду,
посылай моим чадам еду, —
отвечает Вук воеводе.

— Да и матушку не забудь.
Навести ее как-нибудь,
соболезнуй ее заботе.
А когда истекут ее дни,
по обряду похорони, —
отвечает Вук воеводе.

— И еще мне в чем помоги:
если злую молву враги
обо мне распустят в народе,
ты не верь той молве ни в чем,
как не веришь ни в чох, ни в сон, —
отвечает Вук воеводе.

И садится Вук на коня
и в поход отъезжает шагом.

5. ПЕСНЬ О ДРУЗЬЯХ МИЛОША

Когда старый Милош слеп,
Кто ему вино и хлеб
Приносил
По мере сил?

Не соседние князья,
А старинные друзья —
Те, кого и не просил.

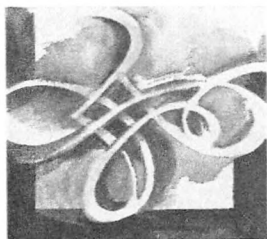
— Моря не видать с горы.
Утром не видать зари,
В полдень солнца нет!
— Нам не скоро уплыть.
Можно ночью пировать! —
Те ему в ответ.

— Иль тебе не сладок мед,
Иль не слышишь, как поет
Дева у ручья?
Иль не дышит ветром сад
И с тобою не сидят
Верные друзья?

Мы нальем тебе вина.
И давай-ка, старина,
Вспомним о былом!
Отдых дай своим мечам,
Отдых дай своим очам!..

Пировали по ночам.
Пели за столом.

1970

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Чаадаев, помнишь ли бывшее?

А. Пушкин

Наконец я познал свободу.
Все равно, какую погоду
За окном предвещает ночь.

Дом по крышу снегом укутан.
И каким-то новым уютом
Овевает его метель.

Спят все чада мои и други.
Где-то спят лесные пичуги.
Красногорские рощи спят.

Анна спит. Ее сновиденья
Так ясны, что слышится пенье
И разумный их разговор.

Молодой поэт Улялюмов
Сел писать. Потом, передумав,
Тоже спит — ладонь под щекой.

Словом, спят все шумы и звуки,
Губы, головы, щеки, руки,
Облака, сады и снега.

Спят каминны, соборы, псалмы,
Спят шандалы, как написал бы
Замечательный лирик Н.

Спят все чада мои и други.
Хорошо, что юные вьюги
К нам летят из дальней округи,
Как стеклянные бубенцы.

Было, видно, около часа.
Кто-то вдруг ко мне постучался.
Незнакомец стоял в дверях.

Он вошел, похож на Алеко.
Где-то этого человека
Я встречал. А может быть — нет.

Я услышал: всхлипнула тройка
Бубенцами. Звякнула бойко
И опять унеслась в снега.

Я сказал: — Прошу! Ради бога!
Не трудна ли была дорога? —
Он ответил: — Ах, пустяки!

И не надо думать о чуде.
Ведь напрасно делятся люди
На усопших и на живых.

Мне забавно времен смешенье.
Ведь любое наше свершенье
Независимо от времен.

Я ответил: — Может, вы правы,
Но сильнее нету отравы,
Чем привязанность к бытию.

Мы уже дошли до буколик,
Ибо путь наш был слишком горек
И ужасен с временем спор.

Но есть дней и садов здоровье,
И поэтому я с любовью
Размышляю о том, что есть:

Ничего не прошу у века,
Кроме звания человека,
А бессмертье и так дано.

Если речь идет лишь об этом,
То не стоило быть поэтом.
Жаль, что это мне суждено.

Он ответил: — Да, хорошо вам
Жить при этом мнении готовом,
Не познав сумы и тюрьмы.

Неужели возврат к истокам
Может стать последним итогом
И поить сердца и умы?

Не напрасно ли мы возносим
Силу песен, мудрость ремесел,
Старых празднеств брагу и сыть?
Я не ведаю, как нам быть.

Длилась ночь, пока мы молчали.
Наконец вдали прокричали
Предрассветные петухи.

Гость мой спал, утопая в кресле.
Спали степи, разъезды, рельсы,
Дымы, улицы и дома.

Улялюмов на жестком ложе
Прошептал, терзаясь: — О боже! —
И добавил: — Ах, пустяки!

Наконец сновиденья Анны
Задремали, стали туманны,
Растеклись по впадинам реки.

* * *

С постепенной утратой зренья
Все мне видится обобщенней.
На сугробы и на деревья
Свет ложится потусторонний.

Слабый снег сочится как мушка,
Упадает и голубеет.
Так мне видится, потому что
Постепенно зренье слабеет.

Вместе с тем не могу похвастать,
Что острее зрение духа.
Только ночь надо мной глазаста.
Путь лежит ледяно и сухо.

Путь лежит ледяно и сухо.
Ночь стоит высоко и звездно.
Не склоняй доверчиво слуха
К прозревающим слишком поздно.

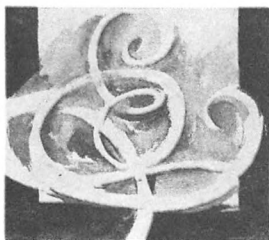
1971

* * *

Для себя, а не для другого
Я тебя произвел на свет...
Произвел для грозного бога —
Сам ты будешь держать ответ.

Ты и радость, ты и страданье,
И любовь моя — малый Петр.
Из тебя ночное рыданье
Колыбельные слезы пьет.

1971

Распутица. Разъезжено. Размято.
На десять дней в природу входа нет.
Лишь перелесков утренняя мята
Студит во рту. Преобладает свет.
Свет беспощадный, ярый свет весны,
Срыватель тайн с морщинок и веснушек,
Припухших век, очей полужаснувших,
С болезненной и страстной желтизны.
Свет. Ярое преображение духа.
Размяты в тюрю колеи дорог.
Невнятица, распутица, разруха.
А там — опушек тюлевый дымок.

1971

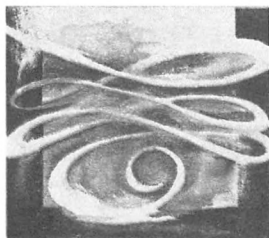
Березы, осины да елки —
Простой подмосковный пейзаж.
Художник в татарской мурмолке
Весенний открыл вернисаж.

Художник, немного раскосый,
С татарской раскладкою скул,
Дымит и дымит папиросой
И слушает внутренний гул.

Из гула рождаются краски,
Из звука является цвет.
Природа плетет без развязки
Один бесконечный сюжет.

Но надо включить его в раму,
И это искусства залог,
Когда бесконечную драму
Врубают в один эпилог.

1971

АННА ЯРОСЛАВНА

Как тебе живется, королева Анна,
В той земле, во Франции чужой?
Неужели от родного стана
Отлепилась ты душой?

Как живется, Анна Ярославна,
В теплых странах?

А у нас — зима.

В Киеве у нас настолько славно,
Храмы убраны и терема!

Там у вас загадочные дуют
Ветры

с моря-океана вдоль земли.

И за что там герцоги воюют?

И о чем пекутся короли?

Каково тебе в продутых залах,
Где хозяин редок, словно гость,
Где собаки у младенцев малых
Отбирают турью кость?

Там мечи, и панцири, и шкуры:
Войны и охоты — все одно.

СОЛДАТ И МАРТА

Первую брачную ночь Марта и драгун Рааб провели в доме пастора Глюка.

Из «Разысканий об императрице Екатерине Первой», т. I, с. 86

- О н. Любимая, не говори,
Что надо нам прощаться!
Пускай до утренней зари
Продлится наше счастье!..
- О н а. Драгун! Драгун! Ведь завтра бой,
Нам суждены печали.
Не на разлуку ль нас с тобой
Сегодня обвенчали?..
- О н. Любимая! Не говори,
Что надо нам прощаться!
Но пусть до утренней зари
Продлится это счастье!..

И грянул бой. И обречен
Был город. Град чугунный
Низвергся. Рядом с трубачом
Упал воитель юный.

Его латали лекаря.
И он узнал от друга,
Что слух идет: мол, у царя
Живет его супруга.

- Там купола, как янтари
Над старою Москвою...
- О н. Любимая! Не говори!
Вот я перед тобою...

- О н а. Зачем здесь этот инвалид,
Игрушка чьих-то козней!
Беги! Не то тебя велит
Убить супруг мой грозный!
- О н. Любимая! Не говори!
Как разошлись дороги!..
Спокойно властвуй и цари!..

И он упал ей в ноги.

- О н а. Деньгу солдату! Пусть он пьет!
Не знает сам, что мелет!
Гляди, коли Великий Петр
Словам твоим поверит!..
- О н. Любимая! Не говори!
Уже настало утро!
И поскорей умри, умри,
Та ночь Мариенбурга!
- О н а. Да, поскорей умри, та ночь!
Умри, то утро боя!
Солдат, ступай отсюда прочь, —
Я не была с тобою.
Ступай, ступай, хромой драгун,
И обо мне — ни звука!
Забудь про то, что ты был юн,
Про свадьбу в доме Глюка.
И пей хоть день, хоть два, хоть три —
Хоть до скончанья света!..
- О н. Любимая! Не говори!
Не говори про это!..

СВОБОДНЫЙ СТИХ

В третьем тысячелетье
Автор повести
О позднем Предхиросимье
Позволит себе для спрессовки сюжета
Небольшие сдвиги во времени —
Лет на сто или на двести.

В его повести
Пушкин
Поедет во дворец
В серебристом автомобиле
С крепостным шофером Савельичем.

За креслом Петра Великого
Будет стоять седой арап Ганнибал —
Негатив постаревшего Пушкина.
Царь в лиловом кафтане
С брызнувшим из рукава
Голландским кружевом.
Примет поэта, чтобы дать направление
Образу бунтовщика Пугачева.
Он предложит Пушкину виски с содовой,
И тот не откажется,
Несмотря на покашливание
Старого эфиопа.

— Что же ты, мин херц? —
Скажет царь,
Пяля рыжий зрачок
И подергивая левой щекой.
— Вот мое последнее творение,
Государь. —
И Пушкин протянет Петру
Стихи, начинающиеся словами
«На берегу пустынных волн...».

Скажет царь,
Пробежав начало:
— Пишешь недурно,
Ведешь себя дурно.

И, снова прицелив в поэта рыжий зрачок,
Добавит: — Ужо тебе!..

Он отпустит Пушкина жестом,
И тот, курчавясь, выскочит из кабинета
И легко пролетит
По паркетам смежного зала,
Чуть кивнувши Дантесу,
Дежурному офицеру.

— Шаркуны, ваше величество, —
Гортанно произнесет эфиоп
Вслед белокурому внуку
И вдруг улыбнется,
Показывая крепкие зубы
Цвета слоновой кости.

Читатели третьего тысячелетия
Откроют повесть
С тем же отрешенным вниманием,
С каким мы
Рассматриваем евангельские сюжеты
Мастеров Возрождения,
Где за плечами гладковолосых мадонн
В итальянских окнах
Открываются тосканские рощи,
А святой Иосиф
Придерживает стареющей рукой
Вечереющие складки флорентинского плаща.

Кончался август.
Примолкнул лес.
Стозвездный Аргус
Глядел с небес.

А на рассвете
В пустых полях
Усатый ветер
Гулял, как лях.

Еще чуть светел
Вдали рассвет...
Гуляет ветер,
Гуляет Фет.

Среди владений
И по лесам
Последний гений
Гуляет сам.

Не близок полдень,
Далек закат.
А он свободен
От всех пляяд...

1973

СКОМОРОШИНА

Поводырь ведет слепого,
Любопытного такого.

— Что там, что там, поводырь?
— Это город Алатырь.

— Почему ж не слышен город?
— В этом городе был голод.
А потом повальный мор.
Целый город перемер.

Идут лесом и болотом.
А незрячий: — Что там, что там?

Надоел поводырю.
— Что молчишь, горбатый?
— Зрю.

— Что там?
— Девка молодая.
— Каковая?
— Таковая:
Губошлеписта, толста.
— Сколько лет-то ей?
— С полста.

— Ах ты, зрячий, сын собачий!..
Что там, что там пахнет клячей?

— Ехал с ярмарки цыган,
Дурака с собой тягал.

Под ракитой опростался,
А дурак со мной остался...

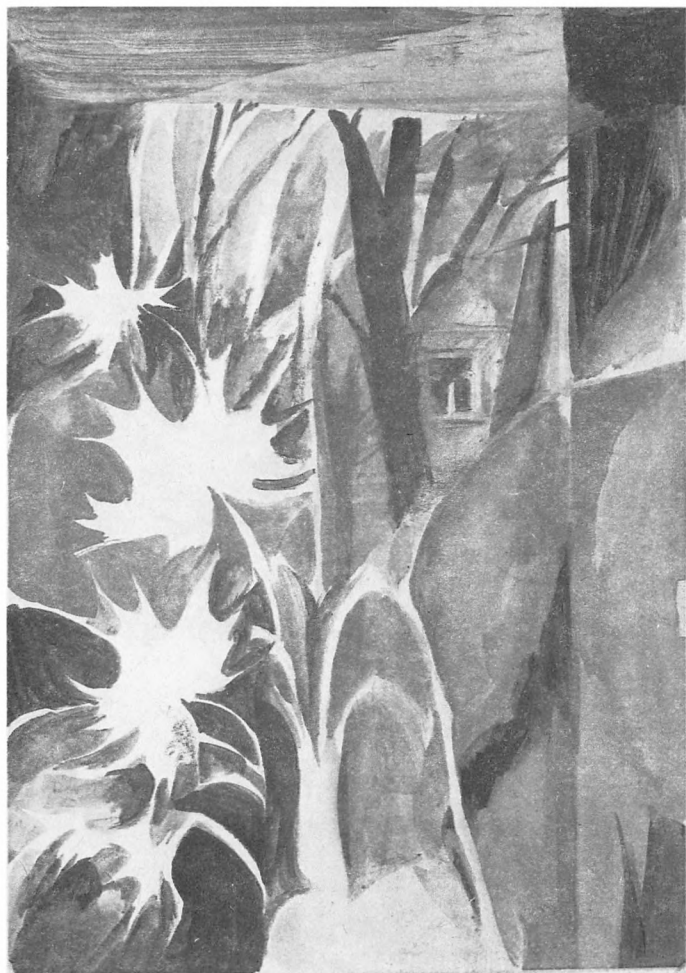
Так бредут слепой с горбатым.
За леса свалился день.
И под месяцем рогатым:
— Что там, что там? — Вор? Пень?

1973

А. Я.

...И тогда узнаешь вдруг,
Как звучит родное слово.
Ведь оно не смысл и звук,
А утók пережитого,
Колыбельная основа
Наших радостей и мук.

1973

БРЕЙГЕЛЬ

(Картина)

Мария была курчава.
Толстые губы припухли.
Она дитя качала,
Помешивая угли.

Потрескавшейся, смуглой
Рукой в ночное время
Помешивала угли.
Так было в Вифлееме.

Шли пастухи от стада,
Между собой говорили:
— Зайти, узнать бы надо,
Что там в доме Марии?

Вошли. В дыре для дыма
Одна звезда горела.
Мария была нелюдима.
Сидела, ребенка грела.

И старший воскликнул: — Мальчик! —
И благословил ее сына.
И, помолившись, младший
Дал ей хлеба и сыра.

И поднял третий старец
Родившееся чадо.
И пел, что новый агнец
Явился среди стада.

Да минет его голод,
Не минет его достаток.
Пусть век его будет долог,
А час скончания краток.

И желтыми угольками
Глядели на них бараны,
Как двигали кадыками
И бороды задирали.

И, сотворив заклинанье,
Сказали: — Откроем вены
Баранам, свершим закланье,
Да будут благословенны!

Сказала хрипло: — Баранов
Зовут Шошуа и Мадох.
И богу я не отдам их,
А также ягнят и маток.

— Как знаешь, — они отвечали, —
Гляди, не накликай печали!.. —
Шли, головами качали
И пожимали плечами.

МАРКИТАНТ

Фердинанд, сын Фердинанда,
Из утрехтских Фердинандов
Был при войске Бонапарта
Маркитант из маркитантов.

Впереди гремят тамбуры,
Трубачи глядят сурово.
Позади плетутся фуры
Маркитанта полкового.

Предок полулегендарный,
Блудный отпрыск ювелира
Понял, что нельзя бездарней
Жить, не познавая мира.

Не караты, а кареты.
Уйма герцогов и свиты.
Офицеры разодеты.
Рядовые крепко сшиты.

Бонапарт короны дарит
И печет свои победы.
Фердинанд печет и жарит
Офицерские обеды.

Бонапарт диктует венским,
И берлинским, и саксонским.
Фердинанд торгует рейнским,
И туринским, и бургонским.

Бонапарт идет за Неман,
Что весьма неблагородно.
Фердинанд девицу Нейман
Умыкает из-под Гродно.

Русский дух, зима ли, бог ли
Бонапарта покарали.
На обломанной оглобле
Фердинанд сидит в печали.

Вьюга пляшет круговую.
Снег валит в пустую фуру.
Ах, порой в себе я чую
Фердинандову натуру!..

Я не склонен к аксельбантам,
Не мечтаю о геройстве.
Я б хотел быть маркитантом
При огромном свежем войске.

1973

Когда с досадой и печалью
Я слух нарочно отвращаю
От тех, кто жалуется мне, —
Простор и снег в моем окне.

И преданности безотчетной
Я полон сумрачной зиме,
Где притулился
Неотлетный
Снегирь на голой бузине.

1973

Л. Ч.

Полночь под Иван-Купала.
Фронта дальние костры.
Очень рано рассветало.
В хате жили две сестры.

Младшая была красotka,
С ней бы было веселей,
Старшая глядела кротко,
Оттого была милей.

Диким клевером и мятой
Пахнул сонный сеновал.
На траве, еще не мятой,
Я ее поцеловал.

И потом глядел счастливый,
Как светлели небеса,
Рядом с этой, некрасивой, —
Только губы и глаза...

Только слово: «До свиданья!» —
С легкой грустью произнес.
И короткое рыданье
С легкой грустью перенес.

И пошел, куда не зная,
С автоматом у плеча,
«Белоруссия родная!..»
Громким голосом крича.

1973

ПЯТЕРО

Жили пятеро поэтов
В предвоенную весну,
Неизвестных, незапетых,
Сочинявших про войну.

То, что в песне было словом,
Стало верною судьбой.
Первый сгинул под Ростовом,
А второй — в степи сырой.

Но потворствует удачам
Слово — солнечный кристалл.
Третий стал, чем быть назначен,
А четвертый — тем, чем стал.

Слово — заговор проклятый!
Все-то нам накликал стих...
И живет на свете пятый,
Вспоминая четверых.

1973

Ветры пятнадцатых этажей
Не похожи на ветры,
Плутающие по изворотам
Двухэтажных улиц.
В них нет ропота листьев,
Посвиста заборных прогалов,
Шепота слуховых окон,
Гуда печных труб.
Они дуют ровно и сильно
И кажутся гулом вселенной,
Особенно ночью.

1974

Город ночью прост и вечен.
Светит трепетный неон.
Где-то над Замоскворечьем
Низкий месяц наклонен.

Где-то новые районы,
Непечатые снега.
Там лишь месяц наклоненный
И не видно ни следа,

Ни прохожих. Спит столица,
В снег уткнувшись головой,
Окольцована, как птица,
Автострадой кольцевой.

1974

СТИХИ О ДЕЛЬВИГЕ

I

Дельвиг... Ленъ... Младая дева...
Утро... Слабая метель...
Выплывает из напева
Детской елки канитель.

Засыпай, окутан ленью.
В окнах — снега белизна.
Для труда и размышленья
Старость грубая нужна.

И к чему, на самом деле,
Нам тревожить ход времен!
Белокурые метели...
Дельвиг... Дева... Сладкий сон...

II

Две жизни не прожить.
А эту, что дана,
Не все равно — тянуть
длиннее иль короче?
Закуривай табак,
налей себе вина,
Поверь бессоннице
и сочиняй полночи.
Нет-нет, не зря
хранится идеал,
Принадлежащий поколенью!..
О Дельвиг,
ты достиг такого ленью,
Чего трудом
не каждый достигал!

Не оставляйте письма
Для будущих веков.
Ужасно любопытство
Дотошных знатоков!

И что они узнают,
И что они поймут,
Когда они не знают,
Как на земле живут!

Они как бы заслоном
Отделены от глаз,
И все равно за словом
Не угадают нас.

Пусть весело сгорает
В печи досужий труд,
Пусть вьюги заиграют
И пепел унесут...

1974

СТАРИК

П. А.

Удобная, теплая шкура — старик.
А что там внутри, в старике?
Вояка, лукавец, болтун, озорник
Запрятан в его парике.

В кругу молодых, под улыбку юнца,
Дурачится дьявол хромой.
А то и задремлет, хлебнувши винца,
А то и уснет домой.

Там, старческой страсти скрывая накал,
Он пишет последний дневник.
И часто вина подливает в бокал —
Вояка, мудрец, озорник.

1974

Не торопи пережитого,
Утаивай его от глаз.
Для посторонних глухо слово
И утомителен рассказ.

А ежели назреет очень
И сдерживаться тяжело,
Скажи, как будто между прочим
И не с тобой произошло.

А ночью слушай — дождь лопочет
Под водосточною трубой,
И, как безумная, хохочет
И плачет память над тобой.

1974

А слово — не орудье мести! Нет!
И, может, даже не бальзам на раны.
Оно подтачивает корень драмы,
Разоблачает скрытый в ней сюжет.

Сюжет не тот, чьи нити в монологе,
Который знойно сотрясает зал.
А слово то, которое в итоге
Суфлер забыл и ты не подсказал.

1975

Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного,
Но если можно бы сначала
Жизнь эту вымолить у бога,
Хотелось бы, чтоб было снова
Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного.

1975

В. Б.

И ветра вольный горн,
И речь вечерних волн,
И месяца свеченье,
Как только стали в стих,
Приобрели значенье.
А так — кто ведал их!

И смутный мой рассказ,
И весть о нас двоих,
И верное реченье,
Как только станут в стих,
Приобретут значенье.
А так — кто б знал о нас!

1975

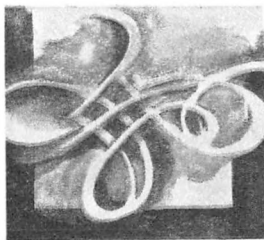
* * *

Не увижу уже красногорских лесов,
Разве только случайно.
И знакомой кукушки, ее ежедневных часов
Не услышу звучанья.

Потянуло меня на балтийский прибой,
Ближе к хладному морю.
Я уже не владею своею судьбой
И с чужою не спорю.

Это бледное море, куда так влекло россиян,
Я его принимаю.
Я приехал туда, где шумит океан,
И под шум засыпаю.

1975

ЧЕРНОВИКИ

Два года я писал в одну тетрадь.
Всю исчеркал. И стал ее листать.
И разбирать с трудом. А толку мало.
Какие-то наброски и начала,
Зачеркнутые густо три строки.
Все недописано. Черновики.

Души моей небрежной черновик!
Невыполненных замыслов наброски,
Незавершенных чувств моих язык,
Угаснувших волнений отголоски!
Зачатки мыслей!

Слово — и пробел.

А тут-то надо было мучить перья!
Но нет, не мог! Не сделал. Оробел...
Зачеркнуто... А вот белей, чем мел,
Свободная страница. Полстраницы.
Неточность. Рядом — беглые зарницы —
Гроза без грома —
вечный мой удел...

1975

СТАРЫЙ ДОН-ЖУАН

Убогая комната в трактире.

Д о н - Ж у а н. Чума! Холера!
Треск, гитара-мандолина!
Каталина!

К а т а л и н а

(Входит.) Что вам, кабальеро?
Д о н - Ж у а н. Не знает — что мне!
Подойди, чума, холера!
Раз на дню о хвором вспомни,
Погляди, как он страдает!
Дай мне руку!

К а т а л и н а

Ну вас, старый кабальеро.
(Каталина убегает.)
Д о н - Ж у а н. Постой!.. Сбежала,
Внучка Евы, род злодейский,
Чтобы юного нахала
Ублажать в углу лакейской!
Где мой блеск, где бал насущный
Ежедневных наслаждений!
А теперь девчонки скучной
Домогаюсь, бедный гений.
Зеркало! Ну что за рожа!
Кудрей словно кот наплакал.
Нет зубов. Обвисла кожа.
(Зеркало роняет на пол.)
Вовремя сойти со сцены
Не желаем, не умеем.
Все Венеры и Елены
Изменяют нам с лаксем.

Видимость важнее сути,
Ибо нет другой приманки
Для великосветской суки
И для нищей оборванки.
Старость хуже, чем увечье.
Довело меня до точки
Страшное противоречье
Существа и оболочки...
Жить на этом свете стоит
Только в молодости. Даже
Если беден, глуп, нестойк,
Старость — ничего нет гаже!
Господи! Убей сначала
Наши страсти, наши жажды!
Неужели смерти мало,
Что ты нас караешь дважды?
Юный дух! Страстей порывы!
Ненасытные желанья!
Почему еще вы живы
На пороге умиранья?..
Неужели так, без спора,
Кончилась моя карьера?..
Каталина! Каталина!
Входит Череп Командора.
Череп. Здравствуй, кабальеро!
Сорок лет в песке и прахе
Я валялся в бездорожье...
Дон-Жуан (*отпрянув в страхе*).
Матерь божья! Матерь божья!
Кто ты?
Череп. Помнишь Анну?
Дон-Жуан. Какая Анна?
Ах, не та ли из Толедо?
Ах, не та ли из Гренады?
Или та, что постоянно
Распевала серенады?

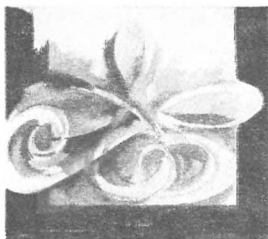
Помню, как мы с ней певали
В эти дивные недели!
Как она теперь? Жива ли?
Ах, о чем я, в самом деле!..
Что-то там с ее супругом
Приключилось ненароком.
Не о том ли ты с намеком?
Череп, я к твоим услугам.

Ч е р е п. Я не за расплатой.
Судит пусть тебя предвечный.
Расплатился ты утратой
Юности своей беспечной.
Старый череп Командора,
Я пришел злорадства ради,
Ибо скоро, очень скоро,
Ляжем мы в одной ограде;
Ибо скоро, очень скоро,
Ляжем рано средь тумана —
Старый череп Командора,
Старый череп Дон-Жуана.
Д о н - Ж у а н (*смеясь*). Всего лишь!
Мстишь за старую интрижку?
Или впрямь ты мне мирволишь?
Иль пугаешь, как мальчишку?
Мне не страшно. На дуэли
Мог я согнуться для забавы.
А теперь скрипят, как двери,
Старые мои суставы...

Ч е р е п. Смерть принять не шлюху
Обнимать. А ты, презренный,
Ничего не отдал духу,
Все ты отдал жизни тленной.
Д о н - Ж у а н. Я жизни тленной
Отдал все. И сей блаженный
Сон мне будет легче пуху.

Ни о чем жалеть не стоит,
Ни о чем не стоит помнить...
Ч е р е п. Крот могилу роет...
Собирайся. Скоро полночь.
Д о н - Ж у а н. Я все растратил,
Что дано мне было богом.
А теперь пойдем, приятель,
Ляжем в логове убогом.
И не будем медлить боле!..
Но скажи мне, Череп, что там —
За углом, за поворотом,
Там — за гранью?..
Ч е р е п. Что там?
Тьма без времени и воли...

1976

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Свободный стих —
для лентяев,
для самоучек,
для мистификаторов
(когда без точек и запятых).

Но в руках настоящего мастера
он являет
естественную силу речи,
то есть мысли.

Организованный стих
организован для всех —
для посредственности и таланта,
он подстегивает вдохновение
и подсказывает метафору.

Надо быть слишком уверенным
в собственной ценности,
чтобы посметь изъясняться
свободным стихом.
Отыдите, нерадивые!

1976

Стихи читаю Соколова —
Не часто, редко, иногда.
Там незаносчивое слово,
В котором тайная беда.

И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо —
И от родства, и от печали,
Бог знает от чего еще!..

1976

Возвращаюсь к тебе, дорогая,
К твоим милым и легким словам.
На пороге, меня обнимая,
Дашь ты волю свободным слезам.

— Ах, — ты скажешь, — как времени много
Миновало! Какие дела!
Неужели так долго дорога,
Милый мой, тебя к дому вела!

Не отвечу, к тебе припадая,
Ибо правды тебе не скажу.
Возвращаюсь к тебе, дорогая,
У тебя на пороге лежу.

1976

ЗАЛИВ

Я сделал свой выбор. Я выбрал залив,
Тревоги и беды от нас отдалив,
А воды и небо приблизив.
Я сделал свой выбор и вызов.

Туманного марта намечен конец,
И голос попробовал первый скворец.
И дальше я вижу и слышу,
Как мальчик, залезший на крышу.

И куплено все дорогою ценой.
Но, кажется, что-то утрачено мной.
Утратами и обретеньем
Кончается зимняя темень.

А ты, мой дружок, мой весенний рожок —
Ты мной не напрасно ли душу ожег? —
И может быть, зря я неволю
Тебя утолить мою долю?

А ты, мой сверчок, говорящий жучок,
Пора бы и мне от тебя наутек.
Но я тебе душу вручаю.
И лучшего в мире не чаю.

Я сделал свой выбор. И стал я тяжел.
И здесь я залег, словно каменный мол.
И слушаю голос залива
В предчувствии дивного дива.

1976

* * *

И снова все светло и бrenно —
Вода, и небо, и песок,
И хрупкая морская пена,
И отплывающий челнок.

Уж не волнуют опасенья.
Отпущен конь, опущен меч.
И на любовь и на спасенье
Я не решусь себя обречь.

Высокой волей обуянный,
Пройду таинственной межой
И постучусь, пришелец странн ый,
К себе домой, как в дом чужой.

1976

О бедная моя!
Ты умерла. А я
Играю под сурдину
На скрипке бытия.

И так же непреложно
Ведет меня стезя
Туда, где жить не можно
И умереть нельзя.

1977

Я люблю ощущение ушедших годов
И забытых ладоней тепло.
Я снимаю со времени тайный покров,
Убеждаясь: оно утекло.

Но зачем этот сад накануне зимы,
Этот город туманный зачем
И зачем же тогда в этом городе мы,
Сочинители странных поэм?

А великое слово «зачем» — как пароль,
Произнесенный в долгих ночах.
И безумствую я, как влюбленный король,
По бессоннице и при свечах.

1977

Вспоминания

Все есть в стихах — и вкус, и слово,
И чувства верная основа,

И стиль, и смысл, и ход, и троп,
И мысль изложена не в лоб.

Все есть в стихах — и то и это,
Но только нет судьбы поэта,

Судьбы, которой обречен,
За что поэтом наречен.

1977

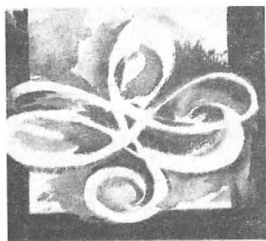
Нам остается жить надеждой и любовью,
Не заносясь, не горячась,
И не прислушиваться к суесловью
Радеющих о нас.

Мы будем жить пустой надеждой,
рады
Глотку любви и доброты,
И слушать о себе издевку злобной правды,
Которая ужасней клеветы.

1977

Я смерть свою забуду
Всего лишь оттого,
Что состояться чуду
Не стоит ничего.
Вот что-то в этом роде:
Муаровый скворец,
Поющий на природе
Гармонию сердец.
О малое созданье!
Зато он превзошел
Величье подражанья
И слабость новых школ.
Пускай поет похоже
На каждого скворца,
Ведь все созданье божье
Похоже на творца.

1977

НЯРНУСКИЕ ЭЛЕГИИ

Г. М.

I

Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живем иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.

II

Красота пустынной рощи
И ноябрьский слабый свет —
Ничего на свете проще
И мучительнее нет.

Так недвижны, углубленны
Среди этой немоты
Сосен грубые колонны,
Вязов нежные персты.

Но под ветром встрепенется
Нетекучая вода...
Скоро время распадется
На «сейчас» и «никогда».

III

Круг любви распался вдруг.
День какой-то полупьяный.
У рябины окаянной
Покраснели кисти рук.

Не маши мне, не маши,
Окаянная рябина,
Мне на свете все едино,
Коль распался круг души.

IV

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом —
Душа — несчастная гречанка...
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.

V

Здесь великие сны не снятся,
А в ночном сознание теснятся
Лица полузабытых людей —
Прежних ненавистей и любвей.
Но томителен сон про обманы,
Он болит, как старые раны,
От него проснуться нельзя.
А проснешься — еще больнее,
Словно слышал зов Лорелей
И навек распалась стезя.

VI

Деревья прянули от моря,
Как я хочу бежать от горя —
Хочу бежать, но не могу,
Ведь корни держат на бегу.

VII

Когда замрут на зиму
Растения в садах,
То невообразимо,
Что превратишься в прах.

Ведь можно жить при снеге,
При холоде зимы,
Как голые побегги,
Лишь замираем мы.

И очень долго снится —
Не годы, а века —
Морозная ресница
И юная щека.

VIII

Как эти дали хороши!
Залива снежная излука.
Какая холодность души
К тому, что не любовь и мука!

О как я мог так низко пасть,
Чтобы забыть о милосердьи!..
Какое равнодушьи к смерти
И утомительная страсть!

IX

Любить не умею,
 Любить не желаю.
 Я глохну, немею
 И зренье теряю.
 И жизнью своею
 Уже не играю.
 Любить не умею —
 И я умираю.

X

Пройти вдоль нашего квартала,
 Где из тяжелого металла
 Излиты снежные кусты,
 Как при рождественском гаданье.
 Зачем печаль? Зачем страданье,
 Когда так много красоты?

Но внешний мир — он так же хрупок,
 Как мир души. И стоит лишь
 Невольный совершить проступок:
 Задел — и ветку оголишь.

XI

В Пярну легкие снега.
 Так свободно и счастливо!
 Ни одна еще нога
 Не ступала вдоль залива.

Быстрый лыжник пробежит
 Синей вспышкой мгновенной.
 А у моря снег лежит
 Свежим берегом вселенной.

XII

Когда тайком колдует плоть,
Поэзия — служанка праха.
Не может стих перебороть
Тщеславья, зависти и страха.

Но чистой высоты ума
Достичь нам тоже невозможно.
И все тревожит. Все тревожно.
Дождь. Ветер. Запах моря. Тьма.

XIII

Утраченное мне дороже,
Чем обретенное. Оно
Так безмятежно, так погоже,
Но прожитому не равно.
Хотел мне дать забвенью, боже,
И дал мне чувство рубежа
Преодоленного. Но все же
Томится и болит душа.

XIV

Вдруг март на берегу залива.
Стал постепенно таять снег.
И то, что было несчастливо,
Приобрело иной разбег.

О этот месяц непогожий!
О эти сумрачные дни!
Я в ожидании... О боже,
Спаси меня и сохрани...

Расположенъе на листе
Печальной строчки стихотворной.
И слезы на твоём лице,
Как на иконе чудотворной.

И не умею передать
То, что со мною происходит:
Вдруг горний свет в меня нисходит,
Вдруг покидает благодать.

Чет или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.

Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт —
Музыка — лекарь?
Музыка губит.

Снежная скатерть.
Мука без края.
Музыка насмерть.
Вьюга ночная.

1976—1978

Что за радость! Звуки шторма
 Возле самого окна.
 Ночь безумна и просторна,
 Непонятна и черна.

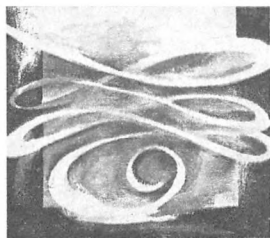
Море — тыща колоколен,
 Ветер — пуще топора
 И готов валить под корень
 Вековые тополя.

Что за радость! Непогоды!
 Жизнь на грани дня и тьмы,
 Где-то около природы,
 Где-то около судьбы.

1978

Тот же вялый балтийский рассвет.
 Тяжело размыкание век.
 Тяжело замерзание рек.
 Наконец, наконец выпал снег.
 Я по снегу уже доберусь
 Из приморского края на Русь,
 Где морозы звончей и синей.
 И опять, может быть, научусь
 Не бояться свободы своей.

1978

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

Когда среди шумного бала
Они повстречались случайно,
Их встреча, казалось сначала,
Была не нужна и печальна.

Он начал с какого-то вздора
В своем ироническом тоне.
Но, не поддержав разговора,
Она уронила ладони.

И словно какая-то сила
Возникла. И, как с палимпсеста,
В чертах ее вдруг проступила
Его молодая невеста —

Такой, как тогда, на перроне,
У воинского эшелона,
И так же платочек в ладони
Сжимала она обреченно.

И в нем, как на выцветшем фото,
Проявленном в свежем растворе,
Вдруг стало пробрезживать что-то
Былое в лице и во взоре.

Вдвоем среди шумного бала
Ушли они в давние даты.
— Беда, — она тихо сказала, —
Но оба мы не виноваты.

Меж нашей разлукой и встречей
Война была посередине.
И несколько тысячелетий
Невольно нас разъединили.

— Но как же тогда, на вокзале,
Той осенью после победы, —
Вы помните, что мне сказали
И мне возвратили обеты?

— Да, помню, как черной вдовою
Брела среди пасмурных улиц.
Я вас отпустила на волю,
Но вы же ко мне не вернулись...

Вот так среди шумного бала,
Где встретились полуседами,
Они постигали начало
Беды, приключившейся с ними.

Все, может быть, было уместно:
И празднества спад постепенный,
И нежные трубы оркестра,
Игравшего вальс довоенный.

ПАМЯТИ ЮНОШИ

Жаль юношу Илюшу Лапшина,
Его война убила.
За что ему столь рано суждена
Солдатская могила!

Остались письма юноши домой.
Их суть прекрасна.
А та, что не успела стать вдовой,
Его ждала напрасно.

Он был когда-то маменькин сынок
И перцу до войны не нюхал.
Но был мечтатель с головы до ног.
И вышел крепок духом.

И, вылетев из доброго гнезда,
Он привыкал к недолям.
И понимал, что горняя звезда
Горит над ратным полем.

А кто сказал, что с самых нежных дней
Полезней опыт слезный
И что высокий дух всего верней
Воспитывают розгой?

В профессорской квартире, где он жил,
В квартире деда,
Бывало, сизой тучей дым кружил
И за полночь текла беседа.

Мы прямо в сад сигали из окна,
Минуя двери.
Я помню откровенность Лапшина,
Признанья в общей вере.

Вокруг весна, рассветная Москва,
Восторженные прозелиты.
Зарю поддерживали деревья,
Как темные кариатиды.

Здесь за глухим забором и сейчас —
Тишайший Институтский,
А в двух шагах, торжественно светясь,
Ампир располагался русский.

Здесь улицы и парки Лапшина,
Здесь жил он, здесь учился в школе, —
Но чёрной тучей близилась война.
И мы расстались вскоре.

Расстались. Как ровесники мои —
Навеки расставались.
И я не ведал о судьбе Ильи,
Покуда не отвоевались.

Прощай, Илья; прощай, Москва тех лет,
Прощай, бульжник Божедомки,
Больничный сад, где на воротах лев.
Весны блаженные потемки.

Прощай и ты, рассветная звезда,
Подобная сияющему глазу.
И все прощай, что прервалось тогда,
Жестоко, может быть, но сразу!..

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Я рос соответственно времени.
В детстве был ребенком.
В юности юношей.
В зрелости зрелым.

Потому в тридцатые годы
я любил тридцатые годы,
в сороковые
любил сороковые.

А когда по естественному закону
время стало означать
схождение под склон,
я его не возненавидел,
а стал понимать.

В шестидесятые годы
я понимал шестидесятые годы.
И теперь понимаю,
что происходит
и что произойдет
из того, что происходит.

И знаю, что будет со мной,
когда придет не мое время.
И не страшусь.

1978

Был ли счастлив я в любви,
В самой детской, самой ранней,
Когда в мир меня влекли
Птицы первых упований?

Ах! в каком волшебном трансе
Я в ту пору пребывал,
Когда на киносеансе
Локоть к локтю прижимал!

Навсегда обречены
Наши первые любви,
Безнадежны и нежны
И нелепы в каждом слове.

Посреди киноромана
И сюжета вопреки
Она ручку отнимала
Из горячечной руки.

А потом ненужный свет
Зажигался в кинозале.
А потом куда-то в снег
Мы друг друга провожали.

Видел я румянец под
Локоном из теплой меди —
Наливающийся плод
С древа будущих трагедий...

1978

ЗВЕЗДА

Зима. Среди светил вселенной
Звезда, как камень драгоценный.
Я звездной карты не знаток,
Не знаю, кто она такая.
Против меня передовая
Глядит на северо-восток.

И я, солдат двадцатилетний,
Счастливый тем, что я есть я.
В болотах Волховского фронта
Расположилась наша рота,
И жизнь моя, и смерть моя.

Когда дойдет звезда до ветки,
Когда вернутся из разведки
И в маскхалатах пробегут
На лыжах в тыл, придет мне смена,
Настанет, как обыкновенно,
Блаженный сон на сто минут.

Но я еще вернусь к рассвету
На пост. Звезду увижу эту.
Она как свет в окне жилья.
Не знаю, кто она такая,
Зачем она стоит, сверкая
И на меня покой ля.

1978

РЕАНИМАЦИЯ

Я слышал так: когда в бессильном теле
Порвутся стропы и отпустят дух,
Он будет плавать около постели
И воплотится в зрение и слух.

(А врач бессильно разведет руками.
И даже слова не проговорит.
И глянет близорукими очками
Туда, в окно, где желтый свет горит.)

И нашу плоть увидит наше зреньё,
И чуткий слух услышит голоса.
Но все, что есть в больничном отделенье,
Нас будет мучить только полчаса.

Страшней всего свое существованье
Увидеть в освещенье неземном.
И это будет первое познание,
Где времени не молкнет метроном.

Но вдруг начнет гудеть легко и ровно,
Уже не в нас, а где-то по себе,
И нашу душу засосет, подобно
Аэродинамической трубе.

И там, вдали, у гробового входа,
Какой-то вещий свет на нас лия,
Забрезжат вдруг всезнанье, и свобода,
И вечность, и полет небытия.

Но молодой реаниматор Саня
Решит бороться с бездной и судьбой
И примется, над мертвецом шаманя,
Приманивать обратно дух живой.

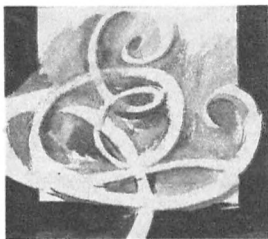
Из капельниц он в нас вольет мирское,
Введет нам в жилы животворный яд.
Зачем из сфер всезнанья и покоя
Мы все же возвращаемся назад?

Какой-то ужас есть в познание света,
В существованье без мирских забот.
Какой-то страх в познании завета.
И этот ужас к жизни призовет.

...Но если не захочет возвратиться
Душа, усилие медиков — ничто.
Она куда-то улетит, как птица,
На дальнее, на новое гнездо.

И молодой реаниматор Саня
Устало скажет: «Не произошло!»
И глянет в окна, где под небесами
Заря горит свободно и светло.

1978

Усложняюсь, усложняюсь —
Усложняется душа,
Не заботясь о прошедшем,
В будущее не спеша.

Умножаются значенья,
Расположенные в ней.
Слово проще, дело проще,
Смысл творенья все сложней.

1978

* * *

Забудь меня и дни,
Когда мы были вместе.
На сердце не храни
Ни жалости, ни мести.

Но вспомни об одном —
Как в это время года
Ходила ходуном
Ночная непогода.

И гром дерева тряс,
Как медная десница...
Ведь это все для нас
Когда-то повторится.

1978

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Ю. Л.

Все, братец, мельтешим, все ищем в «Литгазете» —
Не то чтоб похвалы, а все ж и похвалы!
Но исподволь уже отцами стали дети
И юный внук стихи строчит из-под полы.

Их надобно признать. И надо потесниться.
Пора умерить пыл и прикусить язык.
Пускай лукавый лавр примерит ученица
И, дурней веселя, гарцует ученик!

Забудь, что знаешь, все! Иному поколенью
Дано себя познать и тратить свой запал,
А мы уже прошли сквозь белое каленье,
Теперь пора остыть и обрести закал.

Довольно нам ходить отсюда и досюда!
А сбиться! А прервать на полуслове речь!
Лениться. Но зато пусть хватит нам досуга,
Чтоб сильных пожалеть и слабых уберечь.

Теперь пора узнать о тучах и озерах,
О рощах, где полно тяжеловесных крон,
А также о душе, что чует вещей шорох,
И ветер для нее — дыхание времен.

Теперь пора узнать про облака и тучи,
Про их могучий лет неведомо куда,
Знать, что не спит душа, ночного зверя чутче,
В заботах своего бессонного труда.

А что есть труд души, мой милый стихотворец?
Не легковесный пар и не бесплотный дым.

Я бы сравнил его с работою затворниц,
Которым суждено не покидать твердынь.

Зато, когда в садах слетает лист кленовый,
Чей светлый силуэт похож на древний храм,
В тумане различим волнение жизни новой,
Движение кораблей, перемещение хмар.

И ночью, обратясь лицом к звездам вселенной,
Без страха пустоту увидим над собой,
Где, заполняя слух бессонницы блаженной,
Шумит, шумит, шумит, шумит морской прибой.

1978

Может, за год два-три раза
Вдруг проймет тебя насквозь
Разразившаяся фраза,
Лезущая вкривь и вкось.

Но зато в ней мысль и слово
Диким образом сошлись.
И с основою основа
Без желанья обнялись.

1978

АФАНАСИЙ ФЕТ

Лишь сын шинкарки из-под Кенигсберга
Так рваться мог в российские дворяне
И так толково округлять поместья.
Его прозвание Афанасий Фет.

Об этом, впрочем, нам не надо знать —
Как втерся он в наследственную знать.
Не надо знать! И в этом счастье Фета.
В его судьбе навек отделена
Божественная музыка поэта
От камергерских знаков Шеншина.

Он не хотел быть жертвою прогресса
И стать рабом восставшего раба.
И потому ему свирели леса
Милее, чем гражданская труба.
Он этим редок, Афанасий Фет.

Другие, получив свои награды,
Уже совсем не слышали природы
И, майской ночи позабыв отрады,
Писали твердокаменные оды.
А он, с почтеньем спрятав в гардеробе
Придворные доспехи Шеншина,
Вдруг слышал, как в пленительной природе
Ночь трелью соловья оглашена.

Открыв окно величию вселенной,
Он забывал про действенность глаголов.
Да, человек он необыкновенный.
И что за ночь! Как месяц в небе молод!

1978

В ДУХЕ ГАЛЧИНСКОГО

Бедная критикесса
Сидела в цыганской шали.
А бедные стихотворцы
От страха едва дышали.

Ее аргументы были,
Как сабля, неоспоримы,
И ключья стихотворений
Летели, как пух из перины.

От ядовитых лимонов
Чай становился бледным.
Вкус остывшего чая
Был терпковато-медным.

Допили. Попрощались.
Выползли на площадку.
Шарили по карманам.
Насобирали десятку.

Вышли. Много мороза,
Города, снега, света.
В небе луна катилась
Медленно, как карета.

Ах, как было прекрасно
В зимней синей столице!
Всюду светились окна,
Теплые, как рукавицы.

Это было похоже
На новогодний праздник.
И проняло поэтов
Нехороших, но разных.

— Да, конечно, мы пишем
Не по высшему классу
И критикессе приносим
Разочарований массу.

— Но мы же не виноваты,
Что мало у нас талантов.
Мы гегелей не читали,
Не изучали кантов.

В общем, купили водки,
Выпили понемногу.
Потолковали. И вместе
Пришли к такому итогу:

— Будем любить друг друга,
Хотя не имеем веса. —
Бедная критикесса,
Бедная критикесса.

1978

ХЛЕБ

Не попрекайте хлебом меня. Не до веселья,
Ибо с тревогой на поле свое взираю.
Сам свой хлеб я сею.
Сам убираю.

Вы меня хлебом пшеничным,
я вас зерном слова —
Мы друг друга кормим.
Есть и у слова своя половина.
Но и оно растет корнем.

Без вашего хлеба я отощаю.
Ну а вы-то —
Разве будете сыты хлебом да щами
Без моего звонкого жита?

Из одного перегноя растут
колос пшеничный и колос словесный.
Знаю, что ждут хлебные печи.
В русское небо с заботой гляжу я,
пахарь безвестный,
Жду, что прольются благие дожди в пахоту речи.

1978

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

(Идиллия)

Благодарю моих учителей
За то, что я не многим им обязан...

Не верь ученикам,
Они испортят дело...

Приходите, юные таланты!..

Из стихов разных лет

Холмистая местность. Утро.

Последняя грань лета.

У ч и т е л ь

Видимо, тебе не впрок

Моя наука.

У ч е н и к

Пожалуй.

Пусть я тебя люблю, но, видит бог,

Твоя наука сильно устарела.

И твой урок мне больше — не урок.

Все ваши аксиомы для меня —

Лишь недоказанные постулаты.

И не просты они, а простоваты.

И потому я новые извлек.

У ч и т е л ь

А какие?

У ч е н и к

Ты помнишь, что когда-то нас учил

Глядеть вперед?

У ч и т е л ь

Но тогда

Я шел не здесь... И что же?

У ч е н и к

А мы решились поглядеть назад!..

У ч и т е л ь

Я гляжу по сторонам...

Гляди, как расположен синий воздух

Среди холмов. И золотой подковой

Над ними выгнута заря. На склонах

Отдельные деревья сжали листья

В зеленый шар, стоящий на стволе,

И не дают в нутро их свету влиться,

И длинно тень ложится на земле.

А шерстка трав недавнего покоса

Как гривка жеребенка. А спина

Холма, хребет кабаний выгнув косо,

Словно дремучий волос, зелена.

Там лось над головою держит пару

Окаменевших допотопных крыл,

А дальше — высоко по крутояру —

Однообразных елок темный клир.

Большие валуны, как черепахи,

Круглят щиты на бывшем поле брани.

А надо всем — крутые облака

Осуществляют хлебниковский сон

О подвижных стеклянных городах.

Вот что я вижу...

У ч е н и к

А ты

Уклончив стал.

У ч и т е л ь

Нет. Я вижу

Нутро картин, а не поверхность мнений.

Природа мысли такова, мой друг,

Что доведи любую до конца —

И вдруг паленым волосом запахнет...

Да...

Ученик

Так растолкуй картину.

Учитель

Тридцать лет тому назад,
А может, больше, здесь шел бой. И я
Лежал вон там... скорей немного ближе.
Теперь и не узнать. Я умирал.
Я был почти убит. И вот я жив.
Ты понял?

Ученик

Сказать по правде,
Порой изрядно нам надоедают
Все ваши ветхие воспоминанья.
Чем хвалишься?

Учитель

Добротой.
Ведь, если мне ученика не жалко,
Какой же я учитель!

Ученик

О, все в жалеюку дуешь ты!

Учитель

А смысл легенды, может, только в том,
Что прежде, чем успел пропеть петух...
Сам знаешь...

Ученик *(махнув рукой)*

Ассоциации, культурный слой...
А я желаю быть самим собой!

Учитель

Опыт ты добудешь сам.
Но ежели, вперед спиною пятясь,
Упрешься в стену, вспомни обо мне...

Кто знал войну, тот знает цену крови
И знает цену листьям в каждой кроне.
А листья — мы с тобою.

У ч е н и к

Я не ценю красивых аллегорий.
Но если так, важны не листья — корни.
И дело в корне, если хочешь знать.

У ч и т е л ь

Скоро листья полетят,
Красны, как кровь, желты, как сукровица,
И оголятся скоро лес и сад,
И птице негде будет приютиться,
Перевернется новая страница,
А корни до земли заснут в земле...
Закружатся ладони и сердца,
Зубцы и профили листвы дубовой.
Осенний край с улыбкой мертвеца
Затихнет в ожиданье жизни новой...
Всем суждено выстрадывать судьбу.
А быть счастливым — нет такого права.
И все-таки осенняя дубрава
Ждет счастья.

У ч е н и к

И ты?

У ч и т е л ь

И я!..

Но, впрочем, осень лишь в начале.
Люблю ее пришествие, когда
Все движется, все не стоит на месте.
Деревья — как восставшее предместье —
Готовы ринуться на города.
В такую пору зренью предстает
Разительная ясность очертаний.

И ощущаешь приближенье к тайне
Того, что есть движенье и полет...
Но не спешите, голову сломя,
Кидаться вслед за птичьим перелетом.
Останьтесь здесь.

И выберите холм.

И...

Ученик

Не зритель я.

Учитель

Я так и знал. В бессмысленном стремленьи
Вы видите величие души,
А я — лишь невоспитанность ума.
Послушай!

Ученик

Оставь меня!

Мы слишком далеко зашли, учитель,
Пора вернуться. Трапеза готова.

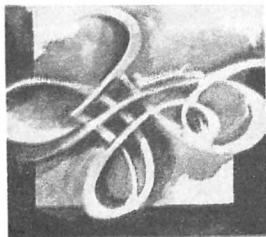
Учитель

Поброжу-ка я один.

А ты ступай.

(Уходит по дороге.)

1978

МАСТЕР

А что такое мастер?
Тот, кто от всех отличен
Своею сивой мастью,
Походкой и обличьем.

К тому ж он знает точно,
Что прочно, что непрочно,
И все ему подвластно —
Огонь, металл и почва.

Суббота, воскресенье —
Другим лафа и отдых,
Копаются с весельем
В садах и огородах.

А он калечит лапы
И травит горло ядом
С миниатюрным адом
Своей паяльной лампы.

Когда заря над морем
Зажжется, словно танкер,
Он с мастером таким же
Готов бы выпить шкалик.

Но мастеров немного
Ему под стать придется.
И если не найдется,
Он выпьет с кем придется.

Не верь его веселью,
Ведь мастера лукавы
И своему издelyю
Желают вечной славы,

А не похвал в застолье
Под винными парами.
Зачем? Ведь он же мастер,
И смерть не за горами.

1978

Вдруг странный стих во мне рождается,
Я не могу его поймать.
Какие-то слова и лица.
И время тает или длится.
Нет! Невозможно научиться
Себя и ближних понимать!

1978

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Он заплатил за нелюбовь Натальи.
Все остальное — мелкие детали;
Интриги, письма — весь дворцовый сор.
Здесь не ответ великосветской черни,
А истинное к жизни отвращенье,
И страсть, и ярость, и души разор.

А чья вина? Считайте наши вины
Те, кто умеют сосчитать свои,
Когда уже у самой домовины
Сошлись концы любви и нелюбви.

И должен ли при сем беречься гений?
О страхе должен думать тот, другой,
Когда перед глазами поколений
В запал курок спускает нетугой.

II

Что остается? Поздний Тютчев?
Казалось, жизнь ложится в масть.
Уже спокоен и невлюбчив.
И вдруг опять — стихи и страсть.

Что остается? Поздний тоже,
Но, господа благодаря,
Вдруг упadaющий на ложе
В шум платья, листьев, октября.

Что остается? Пушкин поздний?
Какой там — поздний! Не вчера ль —
Метель, селитры запах грозный,
И страсть, и гибель, и февраль...

1977—1978

И вот однажды ночью
Я вышел. Пело море.
Деревья тоже пели.
Я шел без всякой цели.
Каким-то тайным звуком
Я был в ту пору позван.
И к облакам и звездам
Я шел без всякой цели.
Я слышал, как кипели
В садах большие липы.
Я шел без всякой цели
Вдоль луга и вдоль моря.
Я шел без всякой цели,
И мне казались странны
Текучие туманы.
И спали карусели.
Я шел без всякой цели
Вдоль детских развлечений —
Качелей, каруселей,
Вдоль луга и вдоль моря,
Я шел в толпе видений,
Я шел без всякой цели.

1978

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Памяти М. Петровых

I

Спи, Мария, спи.
Воздух над тобой
До высот небесных
Полон тишиной.

Дерево в ночи —
Изваянье дыма.
Спи, Мария, спи.
Пробужденья нет.

А когда потом
Мы с тобой очнемся,
Разбегутся листья
По тугой воде.

II

Во сне мне послышался голос,
Так тихо, что я не проснулся,
И сон мой к последнему вздоху
Как будто в тот миг прикоснулся.

К последнему вздоху Марии,
Который настолько был легким,
Что словно уже относился
К бессмертью души, а не к легким.

На миг, что почти не приметен,
Сошлись непохожие двое —
С ее сновиденьем бессмертным
Мое сновиденье живое.

III

И вот уже больше недели,
Как кончилась вся маета,
Как очи ее не глядели
И не говорили уста.

Казалось, что все это рядом,
Но это уже за чертой,
Лишь память не тронута хладом
И не обнята немотой.

И можно ли страхам и ранам
Позволить себя одолеть?
Лишь память, лишь память дана нам,
Чтоб ею навеки болеть.

1978

Отгремели грозы.
Завершился год.
Превращаюсь в прозу,
Как вода — в лед.

1978

ЗАВСЕГДАТАЙ

Из всех печей, из всех каминов
Восходит лес курчавых дымов.
А я шагаю, плащ накинув
И шляпу до бровей надвинув.

Спешу в спасительный подвальчик,
Где быстро и неторопливо
Рыжеволосый подавальщик
Приносит пару кружек пива.

Вторая кружка для студента,
Косого дьявола из Тарту,
Который дважды выпил где-то
И починает третью квартиру.

Он в сером свитре грубой вязки,
По виду — хват и забияка,
Он пьет и как-то залихватски
Разламывает шейку рака.

Он здешний завсегдаятай. Дятел,
Долбящий ресторанный столик.
Он мефистофель и приятель
Буфетчицы и судомоек.

Поклонник Фолкнера и йоги,
Буддизма и Антониони,
Он успокоится в итоге
На ординарном эталоне.

Он не опасен. Пусть он шпарит
Двусмысленные парадоксы
И пусть себе воображает,
Что он силен в стихах и в боксе.

Мне нравится его веселость,
Как он беспечен и нахален,
И даже то, как тычет в соус
Огрызок сигареты «Таллин».

А в круглом блюде груды раков,
Пузырчатый янтарь бокала,
И туч и дымов странный ракурс
В крутом окне полуподвала.

1978

Пусть нас увидят без возни,
Без козней, розни и надсады.
Тогда и скажется: «Они
Из поздней пушкинской плеяды».
Я нас возвысить не хочу.
Мы — послушники ясновидца...
Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу.

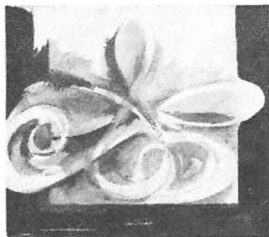
1978

И. К.

Мы не меняемся совсем.
Мы те же, что и в детстве раннем.
Мы лишь живем. И только тем
Кору грубеющую раним.

Живем взахлеб, живем вовсю,
Не зная, где поставим точку.
И все хоронимся в свою
Ветшающую оболочку.

1979

Повтори, воссоздай, возверни
Жизнь мою, но острее и короче.
Слей в единую ночь мои ночи
И в единственный день мои дни.

День единственный, долгий, единый,
Ночь одна, что прожить мне дано.
А под утро отлет лебединый —
Крик один и прощанье одно.

1979

Дай мне нынче выйти в полночь
В незастегнутом пальто.
Не нужна ничья мне помощь,
И не нужен мне никто.
И не важно даже — худо
Или хорошо у нас.
Просто я шататься буду,
Несмотря на поздний час.

Потому что в эту полночь,
Раскачавшую прибой,
Вдруг очнешься и припомнишь
И узнаешь, что с тобой.

1979

ДНЕВНИК

Листаю жизнь свою,
Где радуюсь и пью,
Люблю и негодную
И в ус себе не дую.

Листаю жизнь свою,
Где плачу и пою,
Счастливый по природе
При всяческой погоде.

Листаю жизнь свою,
Где говорю шутейно
И с залетейской тенью,
И с ангелом в раю.

1979

* * *

П. Г.

Зачем за жалкие слова
Я отдал все без колебаний —
И золотые острова,
И вольность молодости ранней!

А лучше — взял бы я на плечи
Иную ношу наших дней:
Я, может быть, любил бы крепче,
Страдал бы слаще и сильнее.

1979

БЕССОННИЦА

Я разлюбил себя. Тоскую
От неприязни к бытию.
Клянущу и плоть свою людскую,
И душу брэнную свою.

Когда-то погружался в сон
Я, словно в воду, бед не чая.
Теперь рассветный час встречаю,
Бессонницею обнесен.

Она стоит вокруг, стоглаза,
И сыплет в очи горсть песка.
От смутного ее рассказа
На сердце смертная тоска.

И я не сплю — не от боязни,
Что утром не открою глаз.
Лишь чувством острой неприязни
К себе — встречаю ранний час.

1979

Обратно крути киноленту,
Механик, сошедший с ума,
К тому небывалому лету,
За коим весна и зима!

Крути от июня до мая
Обратного времени ход,
Что стало моим — отнимая,
Приход превращая в уход.

Пускай разомкнутся объятия,
Окажется шляпа в руке.
И слезы в минуту отъятья
Покатятся вверх по щеке.

Спиною подамся к перрону,
Прощанью бессмысленно рад,
Рукою махну изумленно,
И поезд потянет назад.

Уйдут станционные зданья,
Просторный откроется вид.
И смутное счастье незнанья
Тревожно черты озарит.

Крути мою ленту обратно,
Злорадствуй, механик шальной.
Зато я увижу двукратно
Все то, что случилось со мной.

Я прожил ни много ни мало
Счастливых и сумрачных лет.
Я фильм досмотрю до начала
И выйду из зала на свет...

САНДРИЛЬОНА

Сандрильона ждет карету.
Чинно курит сигарету.
Ждет, чтоб прибыл сандрильонец
Из компании гуляк —
С туфелькой, на «Жигулях».

Стынет кофе. Отрешенно
Ожидает Сандрильона
Из миллиона сандрильон.
В ней не счастье, не страданье,
Все — сплошное ожиданье.
Наконец приходит он.

И, с задумчивым соседом
Не простившись, выйдет следом
За плечистым сандрильонцем
Из сапожной мастерской.
Парк осенний залит солнцем.
Осень. Небо. И покой.

И уедет Сандрильона,
С ней — волос ее корона,
Вместе с гордым модельером
На машине «Жигули»...
Высоко над морем серым
Чайки, тучи, корабли.

1979

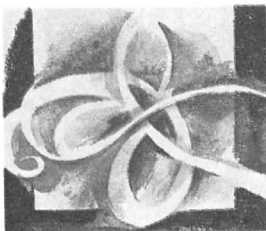
Я сделал вновь поэзию игрой
В своем кругу. Веселой и серьезной
Игрой — вязальной спицею, иглой
Или на окнах росписью морозной.

Не мало ль этого для ремесла,
Внушенного поэту высшей силой,
Рожденного для сокрушенья зла
Или томленья в этой жизни милой.

Да! Должное с почтеньем отдаю
Суровой музе гордости и мщенья
И даже сам порою устаю
От всеогласья и от всепрощенья.

Но все равно пленительно мила
Игра, забава в этом мире грозном —
И спица-луч, и молния-игла,
И роспись на стекле морозном.

1979

С. Н.

Скрепляют болезни и смерти
Отчетливость памятных мет
И сумрачных десятилетий
Понурый и грубый цемент.

Когда эта птица мне пела,
Сквозь пенье ее угадал
В основе грядущего дела
Простой и смертельный металл.

И все же — не твердость, не холод —
Моя кряжевая судьба.
Спасибо за то, что не молод
Я был, когда понял себя.

1979

Чайка летит над своим отраженьем
В гладкой воде.
Тихо, как перед сраженьем.
Быть беде.

1979

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Я уже за третьим перевалом.
Горных кряжей розовая медь
Отцвела в закате небывалом.
Постепенно начало темнеть.

Холодно. Никто тебя не встретит.
Камень в бездну канул из-под ног.
Лишь внизу, в долине, робко светит
Отдаленной сакли огонек.

Пой для храбрости, идя в долину!
Пой погромче, унимая дрожь!
Или помолись отцу и сыну.
И тогда наверное дойдешь.

1980

Можно ли считать себя счастливым
В день, когда туманы над заливом
Так печальны, мутны, неземны?
Можно ли считать себя несчастным,
Когда рядом в образе неясном
Предстоят деревья, словно сны?
И со мною соотнесены...
Чувствую себя и к ним причастным.

1980

РЕВНОСТЬ

Я влюблен. Мне пятнадцать. Она холодна.
Я, отвергнутый, к ней не иду на рождение.
Жить мне невоготу. Испиваю до дна
Нелюбовь, одиночество и унижение.

За дворами сгорает заря на Москве.
Наблюдает пожар каланча на Сущевке.
Опускается сумрак. Как при волшебстве,
Фонарей зажигаются длинные четки.

Во Втором Самотечном пустынно. Туда
Лишь бродячие псы совершают набеги.
Но над снегом горит высоко, как звезда,
Золотое окошко, висящее в небе.

Там она. Там на тюле ее силуэт.
Там счастливый соперник ликует за чаем.
Я взбешен со всей силой пятнадцати лет.
Я в отчаянье. Но и жесток и отчаян.

Образ сладостной мести мерещится мне.
Громкой славой увенчанный, в час неурочный,
Я въезжаю в столицу на белом коне.
Предо мной переулок Второй Самотечный.

Открываются окна. Сияет луна.
Я проехал задумчив и взора не кинул.
Вслед мне в позднем раскаянье плачет она.
А соперник растерянный чай опрокинул.

Нет! Тогда я не стану врага попирать,
Ибо мы не злопамятны и горделивы.
Лишь одною печалью могу покарать:
Будь счастлива, любимая! Будьте счастливы!

1980

РИХТЕР

Крыло рояля. Руки Рихтера,
Изысканные, быстрые и сильные,
Как скаковые лошади. Точнее
Сравненья не умею подыскать.
Он заставляет музыку смотреть,
Угадывать ее предвестье
В лице, фигуре, в мимике и жесте.
Не видя Рихтера, теряешь что-то
От вдохновения и мастерства,
Как в письмах
Утрачиваешь что-то от общенья.
Транзисторщики и магнитофонцы,
Мы музыку таскать с собой привыкли
И приспособливать ее к жилью.
А Рихтер музыку возводит в зал
И возвращает музыку в музыку
Прислушаемся в Рихтерову лику,
К рукам задумчивого ездока,
Вожатому коней, изваянных из звука...
Так, колесницы умедляя ход
На спуске с небосклона,
Сам Гелиос внимает, как поет,
Крыло откинув,
Черный лебедь Аполлона.

1980

ГОЛОСА ЗА ХОЛМАМИ

Голоса за холмами!
Сколько их! Сколько их!
Я всегда им внимаю,
Когда чуток и тих.

Там кричат и смеются,
Там играют в лапту,
Там и песни поются,
Долетая отту...

Да! За холмами теми
Среди гладких полян —
Там живут мои тени
Среди гладких полян.

Голоса за холмами
Раздаются в тумане,
То ли ищут потери,
То ли в прятки играют...
Кличут давние тени,
А потом замирают.

1980

Тебя мне память возвратила
Такой, какую ты была,
Когда: «Не любит!» — говорила
И слезы горькие лила.

О, как мне нужно возвращенье
Из тех невозвратимых лет,
Где и отмщенье и прощенье,
Страстей непроходящий след.

И лишь сегодня на колени
Паду. Ведь цену знаю сам
Своей любви, своей измене.
Твоей любви, твоим слезам.

1980

*

Светлые печали,
Легкая тоска
По небу промчали,
Словно облака.

А по ним осталось
Все, что я сберег:
Легкость, свет и старость,
Море и песок.

1980

Куда мне деваться от этих забот ежедневных,
От детских хотений и частых простуд?
Одно утешенье, что где-то в деревьях
Закатные зори растут.

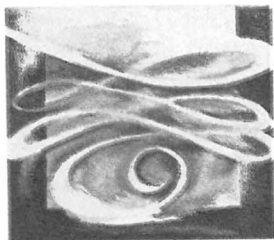
Куда мне деваться от ссор и от дома в разоре,
От дружеских встреч и претензий родни?
Одно утешенье, что позже вечерние зори
Пылают в деревьях и дольше становятся дни.

Куда мне уйти? И какие найти мне решенья?
Не лучше ль идти, не противясь, куда поведет?
Не знаю. Не знаю. Одно утешенье,
Что шире зари разворот.

1980

У меня пред тобою вина.
И ее не смывает волна.
Не смывает прошедшего горя
Благодать полунощного моря.
У меня пред тобою вина,
Что осталась на все времена,
Времена, что белей и короче,
Чем короткие белые ночи.

1980

Когда-нибудь я к вам приеду,
Когда-нибудь, когда-нибудь,
Когда почувствую победу,
Когда открою новый путь.

Когда-нибудь я вас увижу,
Когда-нибудь, когда-нибудь,
И жизнь свою возненавижу,
И к вам в слезах паду на грудь.

Когда-нибудь я вас застану,
Растерянную, как всегда.
Когда-нибудь я с вами кану
В мои минувшие года.

1980

Декабрь. Но не хватает снега.
Скрипит приморская сосна.
Дождей тяжелая телега
Все тянется мимо окна.

А после медленно и скупю
Сквозь тучи цедится рассвет.
В такие дни на сердце скука,
Чего-то ждешь и мыслей нет.

И вдруг — письмо... Письмо от друга...
Но, как ни сумрачно окрест,
Порой желанна роскошь юга,
Но чуждо счастье дальних мест...

1980

*

С. Н.

Нет слова ужасней, чем это
Мучительное «никогда».
Со дня сотворения света
В нем времени к людям вражда.

Отбытие в нем без прибытья,
Оно убивает и рвет,
Как зверь на загривке события,
Ломающий лапой хребет.

1980

Пахло соломой в сарае,
Тело — травой и ветром,
Губы — лесной земляникой,
Волосы — яблоней дикой.

Были на раннем рассвете
Легкие свежие грозы.
Мы просыпались. И снова
Сном забывались, как дети.

Утром она убегала,
Заспанная и босая,
С крупных ромашек сбивая
Юбкой раскосые капли.

Да! Уже было однажды
Сказано: остановиться!
Сказано: остановиться!
Остановиться мгновенью!

1980

ЧАСОВОЙ

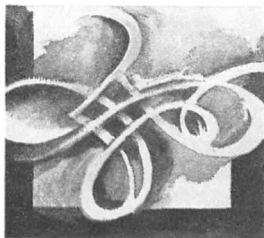
Л. К.

Нельзя не сменять часового,
Иначе заснет на посту.
Нельзя человека живого
Во всем уподобить кусту.

Горячего чаю в землянке
Напиться ему не грешно.
Пускай переменит портянки
И другу напишет письмо.

Пусть тело, что стыло и дрогло,
Задремлет — и вся недолга,
Забыв о величии долга,
Не помня себя и врага.

1980

Милая жизнь! Протеканье времен.
Медленное угасание сада.
Вот уж ничем я не обременен.
Сказано слово, дописана сага.

Кажется, все-таки что-то в нем есть —
В медленном, в неотвратимом теченье, —
Может, о вечности тайная весть
И сопредельного мира свеченье...

Осень. Уже улетели скворцы.
Ветер в деревьях звучит многострунно.
Грустно. Но именно в эти часы
Так хорошо, одиноко, безумно.

1980

В какие-то новые дали
Меня от тебя позвали
Какие-то новые вести,
И радости, и печали.

Пошел я белой дорогой
С лукавой судьбой тягаться
Вослед весне босоногой,
За шалью ее цыганской.

1981

СТАНСЫ

Начнем с подражания. И это
Неплохо, когда образец —
Судьба коренного поэта,
Приявшего славный венец.

Терновый, а может, лавровый —
Не в этом, пожалуй что, суть.
Пойдем за старухой суровой,
Открывшей торжественный путь.

И, сами почти уже старцы,
За нею на путь становясь,
Напишем суровые стансы
Совсем безо всяких прикрас.

В тех стансах, где каждое слово
Для нас замесила она,
Не надо хорошего слога
И рифма пусть будет бедна.

Зато не с налету, не сдуру
Не с маху и не на фуфу,
А трижды сквозь душу и шкуру
Протаскивать будем строфу.

Великая дань подражанию!
Нужна путеводная нить!
Но можно ли горла дрожанье
И силу ума сочинить?

И как по чужому каркасу
Свое устроенье обжать?
И можно ли смертному часу
И вечной любви подражать?

Начнем с подражания. Ведь позже
Придется узнать все равно,
На что мы похожи и гожи
И что нам от бога дано.

1981

* * *

Запиши мне в жизнь кусок
Марта с долгою метелью.
Занеси еще лесок,
Где береза рядом с елью.

Подверстай еще сугроб,
Что от сумрака сиренев.
Подведи потом итог
Ветра, снега и деревьев.

Это все соедини
В зимнем облике природы
В завершающие дни
Холодов и непогоды.

1981

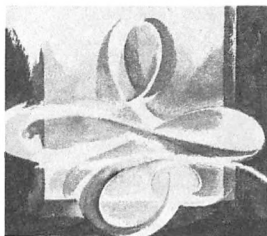
Тогда я был наивен,
Не ведал, в чем есть толк.
Купите за пять гривен,
А если надо — в долг.

Тогда я был возвышен,
Как всадник на коне.
Не знал, что десять пишем
И держим два в уме.

Тогда я был не этим —
Я был совсем другим.
Не знал, зачем мы светим
И почему горим.

Тогда я был прекрасен,
Бездельник молодой.
Тогда не падал наземь
Перед любой бедой.

1981

АКТРИСЕ

Л. Т.

Тебе всегда играть всерьез.
Пусть поневоле
Подбрасывает жизнь вразброс
Любые роли.

Хоть полстранички, хоть без слов,
Хоть в пантомиме —
Играть до сердца, до основ,
Играть во имя.

Без занавеса, и кулис,
И без суфлера,
Чтоб только слезы пролились
На грудь партнера,

Чтоб лишь леса поры потерь,
Поры печали,
Рыжеволосы, как партер,
Рукоплескали.

Играть везде — играть в толпе,
Играть в массовке,
Но для себя и по себе,
Без подтасовки.

И, наконец, сыграть всерьез
В той мелодраме,
Где задыхаются от слез
Уже над нами.

1981

ЗА НЕПРЯДВОЙ

Ходят кони по елани,
Меж собою говорят,
Дескать, едут басурмане
К нам с набегом, говорят.

— Скрыты в чащах наши веси, —
Отвечает конь коню, —
Не сыскать их в чернолесье
Ни мечу и ни огню.

— Ой, отыщут, ой, отыщут,
Никого не пощадят.
Их ведь тыща, да две тыщи,
Да три тыщи, говорят.

Оседлают нас, буланых,
Оседлают вороных
И угонят от желанных,
Далеко от сел родных.

Ой, увидим, как в тумане
Села дальние горят,
Ох, сердиты басурмане,
Ох, жестоки, говорят.

Пропадут следы в полыни,
Порастет вокруг быльем.
Будем сохнуть на чужбине,
Слезы горькие прольем.

— Нет, на речке на Непрядве
Стяги русские стоят.
Будут биться наши рати,
Одолеют, говорят.

И себя не пожалеют
Ради Родины в бою.
Одолеют, одолеют, —
Отвечает конь коню.

1981

Я слышал то, что слышать мог:
Баянов русских мощный слог,
И барабанный бой эпох,
И музы мужественный вздох.

Мы шли, ломая бурелом,
Порою падая челом,
Но долго будет слышен гром,
Которым мы еще живем.

1981

ФАНТАЗИЯ О РАДНОТИ

В сорок пятом году
Возле Ораниенбурга
Пара задумчивых кляч
Тащила большую фуру
По пустынной дороге.
Возница в черном жилете,
В старой фетровой шляпе
Шел рядом с той колымагой,
Похожий на итальянца.
— Кто вы? — спросил по-немецки
Я у того человека.
Возница пожал плечами.
Остановилась фура.
Выглянули из нее
Несколько бледных, курчавых
И перепуганных детских
Рожиц. За ними — старик.
Старик одет был в тряпье,
Торчали седые патлы.
Он явно был не в себе
И закричал по-немецки:
— Я — Радноти Миклош,
Великий венгерский поэт,
В городе Будапеште
Меня знает любая собака!
Меня подобрала цыгане.
И я теперь стал цыганом.
Это великое племя,
Которого не уничтожить,
Ибо ему суждены
Свобода, музыка, кони.
Нет никого прекрасней
На свете, чем цыгане!

Здесь я хочу умереть
Под скрипку и ржанье коней!
К черту — былая слава!
К дьяволу — бывшее счастье!
Я люблю только вас,
Цыгане, музыка, кони!..

Так орал этот странный
Старец с цыганской фуры.
Слушали молча цыгане,
Слов его не понимая.
Наши солдаты стояли,
Думая: старый рехнулся.

Я много позже узнал,
Что поэт Радноти Миклош
Погиб совсем молодым
В Сербии, в лагере смерти.

Может, ослышался я.
Но нет, хорошо помню,
Как сумасшедший старик
Орал, что он Радноти Миклош.

1981

ЦЫГАНЕ

Нас в детстве пугали няни,
Что уведут цыгане.
Ах, вы, нянюшки-крали,
Жаль, что меня не украли.

Бродил бы с табором лунным
(Странно-туманно).
Кони под месяцем юным.
Запах тимьяна.

Где вы, мои цыгане,
Плясуны, конокрады?
Где вы, мои цыганки,
Где вы, сердца отрады?

В поэзии нашей великой
Есть цыганская нота.
И звучит эта нота,
Когда уже жить неохота.

(«Странно-туманно.
Расстались нежданно.
На сердце рана,
И жизнь не желанна».)

Пока луна не погасла,
На свете будет цыганство:
Песня, обман, лукавство,
Скрипка и постоянство.

Я помню цыгана Игната
В городе Кишиневе.
Он мне играл когда-то
О давней моей любви.

(«Странно-туманно
Вечером рано.
Расстались неожиданно,
И на сердце рана!»)

Узел моей печали,
Скрипка, стяни потуже...
Ах, если б нянюшки знали,
Как спасти наши души!

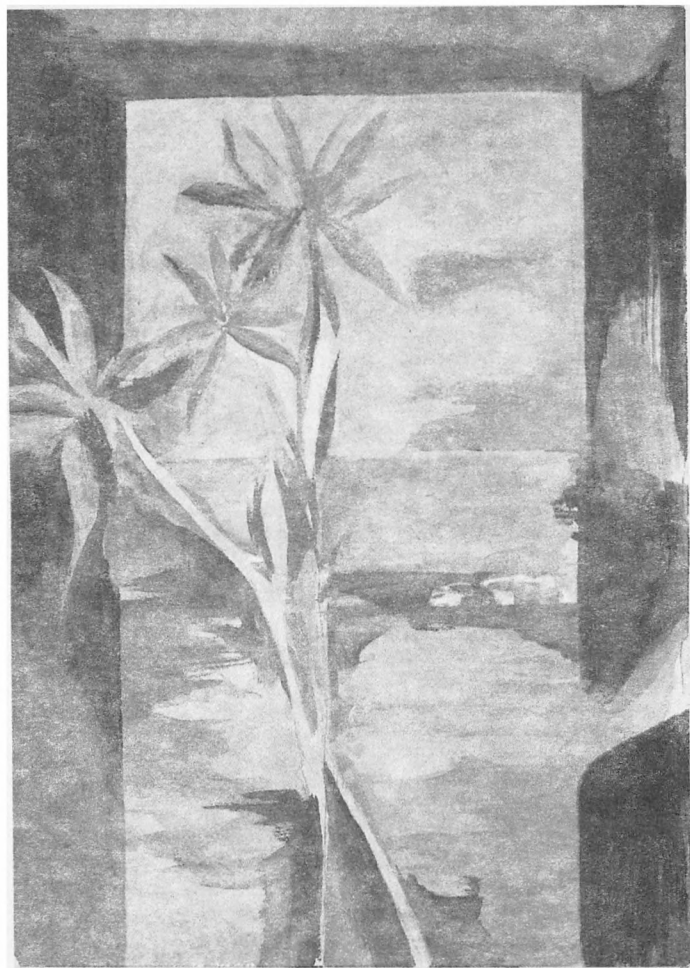
1981

Всю ночь сегодня буря выла
И море зимнее бесилось.
И оттого так смутно было,
И думал я про нашу сирость.

Неужто есть конец, начало,
Но в мире — нам подобных нету?
И оттого так страшно стало
За одинокую планету.

А утром волны отрычали,
Снега от солнца заблестали.
И оттого так беспечальны
Мне дни грядущие предстали.

1981

ПТИЦЫ

I

О, как я птиц люблю весенних,
Не зная их по именам.
Я горожанин. В потрясениях
До этого ли было нам?

Я житель улиц, житель парков,
А не тайги и не степей.
И скромных городских подарков
Я жду от птиц и талых дней.

II

Музыка играет
В тихом кафетерии.
Воробей порхает
За окном на дереве.

Веселишься, малый,
На носу апрель.
Проживем, пожалуй,
Несколько недель.

III

Словно пестрая корова,
Март пасется у реки.
Там от снежного покрова
Остаются островки.

Ожиданье ледохода
Наблюдается везде.
Любопытство небосвода
К лесу, полю и воде.

IV

Люблю я март.
Вороний карк.
Зимы последний выплеск.
Грачиный крик,
Где спор возник
О пользе их строителей.

И ветер свеж.
И вот рубеж
Между зимой и мартом.
Ветра судьбу
На берегу
Гадают нам по картам.

В раскладе карт —
Вороний карк
И вопли жадных чаек,
Грачиный шум,
Которым ум
И сердце отвечают.

1981

ДУЭТ ДЛЯ СКРИПКИ И АЛЬТА

М. П.

Моцарт в легком опьяненье
Шел домой.
Было дивное волненье,
День шальной.

И глядел веселым оком
На людей
Композитор Моцарт Вольфганг
Амадей.

Вкруг него был листьев липы
Легкий звон.
«Тара-тара, тили-типи, —
Думал он. —

Да! Компания, напитки,
Суета.
Но зато дуэт для скрипки
И альты!»

Пусть берут его искусство
Задарма.
Сколько требуется чувства
И ума!

Композитор Моцарт Вольфганг,
Он горазд, —
Сколько требуется, столько
И отдаст...

Ох, и будет Амадею
Дома влет.

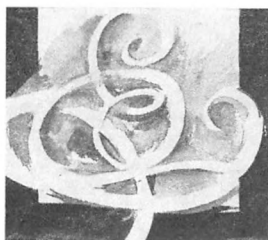
И на целую неделю —
Черный лед.

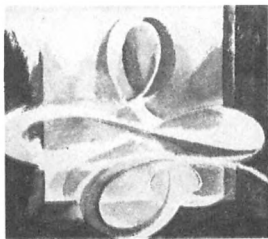
Ни словечка, ни улыбки.
Немота.
Но зато дуэт для скрипки
И альта.

Да! Расплачиваться надо
На миру
За веселье и отраду
На пиру,

За вино и за ошибки —
Дочиста!
Но зато дуэт для скрипки
И альта!

1981

В этот час гений садится писать стихи.
В этот час сто талантов садятся писать стихи.
В этот час тыща профессионалов садятся писать
стихи.
В этот час сто тыщ графоманов садятся писать
стихи.
В этот час миллион одиноких девиц садятся писать
стихи.
В этот час десять миллионов влюбленных юнцов
садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия
Рождается одно стихотворение.
Или гений, зачеркнув написанное,
Отправляется в гости.

1981

СТАРЫЙ ТЮТЧЕВ

Всю дряблость ноября с шатанием и скрипом,
Все всхлипыванья луж и шарканье дождя
И все разрывы струн в ночном канкане диком
Я опишу потом, немного погодя.

И скрою ту боязнь, что не дождусь рассвета,
Хоть знаю — нет конца канкану и дождю,
Хоть знаю, сколько дней до окончанья света.
Об этом не скажу. Немного подожду.

Что означает ночь? Что нас уже приперло.
Приперло нас к стене. А время — к рубежу.
Вот подходящи час, чтоб перерезать горло.
Немного подожду. Покуда отложу.

1981

* * *

Поэзия должна быть странной,
Шальной, бессмысленной, туманной
И вместе ясной, как стекло,
И всем понятной, как тепло.

Как ключевая влага чистой
И, словно дерево, ветвистой,
На всё похожей, всем сродни.
И краткой, словно наши дни.

1981

Я вдаль ушел. Мне было грустно.
Любовь ушла. Ушло вино.
И я подумал про искусство:
А вправду — нужно ли оно?

Зачем, зачем стремится гений
Познать ненужность бытия,
Ведь все мгновенней и мгновенней
И сокровенней жизнь моя!..

1981

СЕВЕРЯНИН

Отрешенность эстонских кафе
Помогает над «и» ставить точку.
Ежедневные аутодафе
Совершаются там в одиночку.

Память тайная тихо казнит,
Совесь тихая тайно карает,
И невидимый миру двойник
Всё бокальчики пододвигает.

Я не знаю, зачем я живу,
Уцелевший от гнева и пули.
Головою качаю. И жгу
Корабли, что давно потонули.

1981

Что за странная забота —
Судьбы мира,
Где невзгоды Дон Кихота
Или Лира?

Что за странное волнение —
Утро сада?
Почему любовь полнее,
Сердце радо?

Что за странная тревога —
Вечер моря,
Где простора ветрового
Шум и воля?

Что за странность все же это
Состраданье!
В поле отзвук, в роще — эхо,
В нас — рыданье.

1981

БАТЮШКОВ

Цель людей и цель планет —
К богу тайная дорога.
Но какая цель у бога?
Неужели цели нет?

1981

ПАМЯТИ АНТОНИНЫ

Пять счастливых дней
Мы провели с Антониной.
Мы провели с Антониной
Пять счастливых дней.
Вскоре она умерла
В городе Екобпилсе,
Где мы с ней провели
Пять счастливых дней.

Благословляю днесь
Ее милую душу,
Ее добрые очи,
Ее теплые губы,
Ее мягкие руки,
Ее стройные ноги,
Ее светлое тело —
Ради пяти счастливых
Дней, которые мы
Вместе с ней провели
В городе Екобпилсе.

Может, простится мне,
Грешной моей душе
За то, что пять дней
Мы провели с Антониной.
И были совсем счастливы.
И больше уже не видались.

1981

* * *

Примеряться к вечным временам,
К бесконечным расстояням —
Это всё безмерно трудно нам,
Вопреки стараньям.

Легче, если расстоянье — пядь,
Если мера времени — минута.
Легче жить. Труднее умирать
Почему-то.

1981

* * *

Тяжел уже стал. Никуда не хочу.
Разжечь бы камин, засветить бы свечу
И слушать, и слушать, как ветер ночной
Гудит и гудит над огромной страной.
Люблю я страну. Ее мощной судьбой
Когда-то захваченный, стал я собой.
И с нею я есть. Без нее меня нет.
Я бурей развеян и ветром отпет.
И дерева нет, под которым засну.
И памяти нет, что с собою возьму.

1981

БАЛЛАДА

— Ты моей никогда не будешь,
Ты моей никогда не станешь,
Наяву меня не полюбишь
И во сне меня не обманешь...

На юру загорятся листья,
За горой загорится море.
По дороге промчатся рысью
Черноперых всадников двое.

Кони их пробегут меж холмами
По лесам в осеннем уборе,
И исчезнут они в тумане,
А за ними погаснет море.

Свиснут терпких листьев обрывки
На дубах старинного бора.
И останутся лишь обрывки
Их неясного разговора:

— Ты моей никогда не будешь,
Ты моей никогда не станешь.
Наяву меня не погубишь
И во сне меня не приманишь.

1982

ВЕСНА

I

Вдруг становится хорошо —
Отчего не поймешь.
Как точильное колесо,
Точит солнышко нож.

Узкий ножик весны,
Ее синюю сталь.
С этим звуком и мы
Устремляемся вдаль.

Ах, побольше печалей,
Побольше тревог!
Чище шорканье стали
О тугой оселок!

Смерть — вы знаете, что это?
Не конец, не беда —
Остановка сюжета
Навсегда, навсегда.

II

Все тянет меня к Подмоскovie.
Я связан с ним детством и кровью.
Вы слышали дудку коровью
Когда-нибудь на заре?

Конечно, романтика стада
Уже устаревшею стала.
И — да! — остается нас мало,
Кто слыхивал выхлест кнута.
Эпоха настала не та.

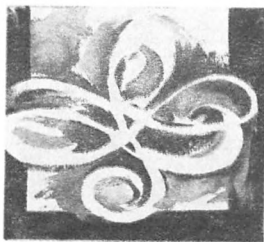
Теперь уже слогом Гомера
Опишут купанье коней.
Но будет нарушена мера
У нас в отысканье корней.

III

Рассвет в огромном дереве —
Словно гнездо жар-птицы.
Солнцеобразно вделаны
В него большие спицы.

Весенний день высиживается
Золотой, как луковица.
И быстро солнце рыжее
Из скорлупы вылупливается.

1982

ШАРМАНЩИК

Шарманщик гуляет по свету,
Бредет по московским дворам.
Шарманочка музыку эту
Играет с грехом пополам.

Шарманщик встает спозаранку
И трудится до темноты.
«Шарманка моя, лихоманка!» —
И тут заедает лады.

«На улице ветер, ненастье,
А ты, мой органчик, играй.
А ты из коробочки счастье
Скорее достань, попугай!»

За счастье свое горожанка
Заплатит последний пятак.
«Шарманка моя, лихоманка,
Играй свою музыку так:

Таратам, таратам, таратам,
Таратам, таратам, тара...
С моим попугаем хохлатым
Стою посредине двора.

Шарманка, шарманка, шарманка
Меня довела до беды.
Шарманка моя, лихоманка...» —
И тут заедает лады.

Потом, после осени трудной,
Когда на бульварах черно,
Сидит он в подвале на Трубной,
Дает попугаю зерно.

За чашкой горячего чая
Сидит молчалив и устал.
Ведь, счастье другим отдавая,
Он счастья себе не достал.

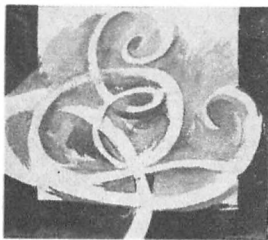
1982

ГРОЗА

Накатывается издалека.
Сначала громом конского обоза
По мостовой. Гуденьем сквозняка.
Потом паденьем тяжких бочек с воза.
Потом фугасным взрывом. А за ним
Витком сверхзвукового самолета.
И вскоре — адом, где удар и дым,
И упаданье дерева в болото.

Бушуй, бушуй! Ударь в меня, ударь!
Чтоб пал близ пенной кромки океана,
Где превращается смола в янтарь
И смерть, как жизнь, светла и первозданна.

1982

* * *

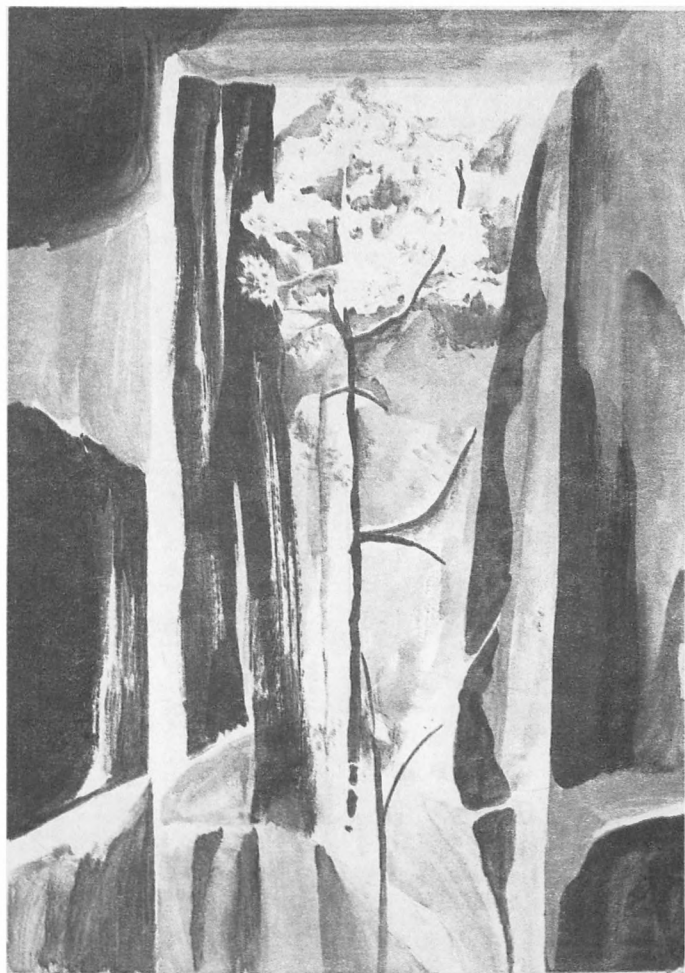
Сплошные прощанья! С друзьями,
Которые вдруг умирают.
Сплошные прощанья! С мечтами,
Которые вдруг увядают.

С деревней, где окна забиты,
С долиной, где все опустело.
И с пестрой листвою ракиты,
Которая вдруг облетела.

С поэтом, что стал пустословом.
И с птицей, что не возвратится.
Навеки — прощание с кровом,
Под коим пришлось приютиться.

Прощанье со старой луною,
Прощанье с осенними днями.
Прощание века со мною.
Прощание времени с нами.

1982

* * *

И к чему ни прислушайся — все перепев...
Да, мой перепел, ты и себя перепел.
Но однажды, от радости оторопев,
Ты особую ноту поставил в пробел.

Ту, неверную, что остальным вопреки...
Но, мой перепел, я тебя не попрекну
Переломом мотива, крушеньем строки,
Несуразицу всю не поставлю в вину.

Пусть та нота — какая-то вовсе не та,
Да, мой перепел, дуй в нее, как стеклодув,
А когда не по горлу тебе высота,
Раздери клокотаньем разинутый клюв.

1982

* * *

Да, мне повезло в этом мире —
Прийти и обняться с людьми
И быть тамадою на пире
Ума, благородства, любви.

А злобы и хитросплетений
Почти что и не замечать.
И только высоких мгновений
На жизни увидеть печать.

1982

Жизнь сплетает свой сюжет.
Но, когда назад посмотришь,
Возникает свежий свет
Далеко — на десять поприщ.

По которым пятерых
Понесло июнем ранним.
И нетленный пятерик
Засветился их стараньем.

Сколько крови пролилось,
Сколько дел осуществилось,
Сколько выпало волос
И друзей пошло навынос!

Но сияет вдалеке
Свежий свет того июня,
Как в предутренней реке
Острый отсвет новолуныя.

1982

*

И вот я встал, забыл, забылся,
Устал от вымысла и смысла,
Стал наконец самим собой
Наедине с своей судьбой.

Я стал самим собой, не зная,
Зачем я стал собой. Как стая
Летит неведомо куда
В порыве вешнего труда.

1982

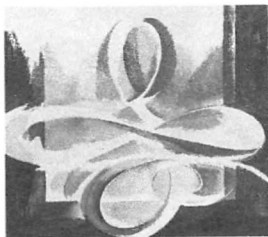
Перед тобой стоит туман,
А позади — вода,
А под тобой сыра земля,
А над тобой звезда.

Но в мире ты не одинок,
Покуда чувствуешь ты
Движенья моря и земли,
Тумана и звезды;

Покуда знаешь о себе,
Что ты проводишь дни
Как неживое существо,
Такое, как они.

А большего не надо знать,
Все прочее — обман.
Поет звезда, летит прибой,
Земля ушла в туман...

1983

ИЗРАННИХ СТИХОВ

ПЛОТНИКИ...

Плотники о плаху притупили топоры.
Им не вешать, им не плакать — сколотили
наскоро.
Сшибли кружки с горьким пивом горожане,
школяры.
Толки шли в трактире «Перстень короля
Гренадского».

Краснорожие солдаты обнимались с девками,
Хохотали над ужимками бродяги-горбуна,
Городские стражи строже потрясали древками,
Чаще чокались, желая мяса и вина.

Облака и башни были выпуклы и грубы.
Будет чем повеселиться палачу и виселице!
Геральдические львы над воротами дули
в трубы.
«Три часа осталось жить — экая бессмыслица!»

Он был смел или беспечен: «И в аду
не только черти!
На земле пожили — что же! — попадем
на небеса!
Уходи, монах, пожалуйста, не говори о смерти.
Если — экая бессмыслица! — осталось три часа!»

Плотники о плаху притупили топоры.
На ярмарочной площади крикнули глашатаи.

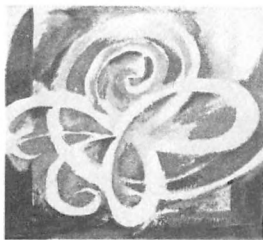
Потянулись солдаты, горожане, школяры,
Женщины, подростки и торговцы бородатые.

Дернули колокола. Приказали расступиться.
Голова тяжелая висела, как свинчатка.
Шел палач, закрытый маской, — чтоб
не устыдиться,
Чтобы не испачкаться — в кожаных перчатках.

Посмотрите, молодцы! Поглядите, голубицы!
(Коло-тили, коло-тили в телеса колоколов.)
Душегуб голубоглазый, безбородый — и убийца,
Убегавший из-под стражи, сторожей переколов.

Он был смел или беспечен. Поглядел лишь на небо.
И не слышал, что монах ему твердил об ерунде.
«До свиданья, други!
Может быть, и встретимся когда-нибудь:
Будем жариться у черта на одной сковороде!»

1937

ПАСТУХ В ЧУВАШИИ

Глухой хрипун, седой молчальник
Из-за коряг следил луну.
Вокруг стоял сухой кустарник,
Жевали совы белену.
И странны, как рога олени,
Валялись корни в отдаленье.
На холод озерных зеркал
Туман влачил свои полотна.
Здесь мир первичный возникал
Из глины и куги болотной.
...И, звезд питаясь млечным соком,
Сидел он, молчалив, как окунь.
Как дым, кипели комары
В котле огромной лихорадки.
За косогоры падали миры.
И все здесь было в беспорядке.
Я подошел к огню костра.
— А сколько будет до кордона? —
Глаза лениво и бездонно
Глядели из болотных трав.
Он был божественный язычник
Из глины, выжженной в огне.
Он на коров прикрикнул зычно,
И эхо пело в стороне...
Я подражал «Цыганам» Пушкина
До третьих петухов.
Потом достигла речь кукушкина
Светлевших перьев облаков.
Коровы сбились в теплый ком,
Следя, как звезды потухали.
Шурша шершавым языком,
Они, как матери, вздыхали...

1938

ОХОТА НА МАМОНТА

Я спал на вокзале.
Тяжелый мамонт,
Последний,
шел по болотам Сибири.
И камень стоял. И реки упрямо
В звонкие
берега
били.

А шкуры одежд обвисали.
В налушнах
Стрелы торчали. И было слышно:
Мамонт идет по тропам непослушным,
Последний мамонт идет к водопою.

Так отступают эпохи.
Косые,
Налитые кровью и страхом глаза.
Под закосневшим снегом России
Оставив армию,
уходит на Запад.

Но челюсть разорвана криком охоты.
Кинулось племя. В руках волосатых
Свистнули луки, как птицы...
И кто-то
Уже умирал на топях проклятых.

И вдруг закричал
последний мамонт,
Завыл,
одинокий на всей земле.
Последним криком своим и самым
Угрюмым и долгим
кричал зверь.

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Отмерено добро и зло
Весами куполов неровных,
О византийское чело,
Полуулыбка губ бескровных!

Не доводом и не мечом
Царьград был выкован и слеплен.
Наивный варвар был прельщен
Его коварным благолепьем.

Не раз искусный богомаз,
Творя на кипарисных досках,
Его от разрушенья спас
Изображеньем ликов плоских.

И где пределы торжеству,
Когда — добытую жар-птицу —
Везли заморскую царицу
В первопрестольную Москву.

Как шлемы были купола.
Они раскачивались в звоне.
Она на сердце берегла,
Как белых ласточек, ладони.

И был уже неоспорим
Закон меча в делах условных...
Полуулыбкой губ бескровных
Она встречала Третий Рим.

1940

ОСЕНЬ СОРОК ПЕРВОГО

Октябрь бульвары дарит рублем...
Слушки в подворотнях, что немцы под Вязьмой,
И радио марши играет, как в праздник,
И осень stomachовым кораблем
Несется навстречу беде, раскинув
Деревьев просторные паруса.
И холодно ротам. И губы стынут.
И однообразно звучат голоса.

В тот день начиналась эпоха плаката
С безжалостной правдой: убей и умри!
Философ был натуго в скатку закатан,
В котомке похрустывали сухари.
В тот день начиналась эпоха солдата
И шли пехотинцы куда-то, куда-то,
К заставам, к окраинам с самой зари.

Казалось, что Кремль воспарил над Москвой,
Как остров летучий, — в просторе, в свеченье.
И сухо вышагивали по мостовой
Отряды народного ополченья.
И кто-то сказал: «Неужели сдадим?»
И снова привиделось, как на экране, —
Полет корабельный, и город, и дым
Осеннего дня, паровозов, окраин.
И было так трудно и так хорошо
Шагать патрулям по притихшим бульварам.
И кто-то ответил, что будет недаром
Слезами и кровью наш век орошен.
И сызнава подвиг нас мучил, как жажда,
И снова из бронзы чеканил закат
Солдат, революционеров и граждан
В преддверье октябрьских баррикад.

ПЕРЕД БОЕМ

В тот тесный час перед сраженьем
Простуженные голоса
Угрюмым сходством выраженья
Страшны, как мертвые глаза.

И время не переиначишь.
И утешение одно:
Что ты узнаешь и заплачешь
И что тебе не все равно.

1944

РУБЕЖ

Свет фар упирается в ливень.
И куст приседает, испуган.
И белый, отточенный бивень
Таранит дорогу за Бугом.

Рубеж был почти неприметен.
Он был только словом и вздрогом.
Все те же висячие плети
Дождя. И все та же дорога.

Все та же дорога. Дощатый
Мосток через речку. Не больше.
И едут, и едут солдаты
Куда-то по Польше, по Польше.

1944

КАТЕРИНА

1

Баян спасает от тоски,
Но не спасает от печали,
Когда поет, как казаки
Дружка убитого встречали.

Есть где-то в мире Бах и власть
Высокой музыки над сором.
Органа ледяная страсть
Колючим восстает собором.

Той музыке не до любви!
Она светла и постоянна!
О руки бедные твои,
О скомороший визг баяна!

Кривляется горбатый мех,
Дробится в зеркальце лучина.
И только твой счастливый смех
Я вдруг услышал, Катерина.

2

В стихах господствует закономерность,
Как в подвижном строении светил,
Как будто с мерным замыслом Гомера
Господь свое создание сличил.

И облака российского ненастья
Теряют вид нестираных рубах,
И горький ветер зла и разногласья
Приобретает старость на губах.

И бытия растерзанная глина
За столько лет, наверное, впервой
В твоём саду, родная Катерина,
Неосторожной поросла травой...

1944

МУЗА

Тарахтят паровозы на потных колесах,
Под поршнями пары затискав.
В деревянном вагоне простоволосая
Муза входит в сны пехотинцев.

И когда посинеет и падает замертво
День за стрелки в пустые карьеры,
Эшелоны выстукивают гекзаметры
И в шинели укутываются Гомеры.

1944

Мы зябли, но не прозябали,
Когда, съедая дни и сны,
Вокзалы лязгали зубами
В потемках, как цепные псы.

Холодный шорох снегопада.
И привокзальные костры.
А в отдаленье канонада
Катает гулкие шары.

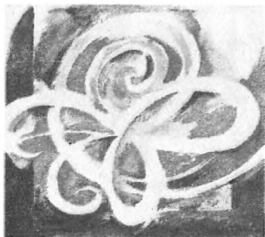
1945

* * *

Берлин в просветах стен без стекол
Опять преследует меня
Оскалом сползшего на цоколь,
Как труп, зеленого коня.

Продуты смертным сквозняком
Кривые пальцы мертвых сучьев.
Над чем смеешься, страшный конь,
По уши тучи нахлобучив!..

1945

СОДЕРЖАНИЕ

Семен Андреич	3
Тревога	6
«Жаль мне тех, кто умирает дома...»	7
Крылья холопа	8
«Извечно покорны слепому труду...»	9
Элегия	10
Первый гром	13
Мост	13
Стихи и проза	14
Телеграфные столбы	15
Зрелость	16
Из детства	17
Цирк	18
«Я наконец услышал морс...»	20
На полустанке	21
Стихи о царе Иване	
Мечта о море	22
Иван и холоп	23
Смерть Ивана	25
Соловьиная улица	27
«Луч солнца вдруг мелькнет, как спица...»	28
Золушка	30
«Подставь ладонь под снегопад...»	32
Белые стихи (<i>Рембо в Париже</i>)	33
«О, много ли надо земли...»	35
Старик	36
Черный тополь	37
«Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал...»	38
Заболоцкий в Тарусе	39
Аленушка	40
Наташа	41
«Дождь пришел в городские кварталы...»	42
Сороковые	43

«Слава богу! Слава богу!...»	44
Перебирая наши даты	45
Вдохновенье	46
Над Невой	47
Болдинская осень	48
«Музыка, закрученная туго...»	49
Осень	50
Слова	52
«Хочется мирного мира...»	53
Дом-музей	54
Шуберт Франц	56
«Я рано встал. Не подумав...»	57
Старик Державин	58
Деревянный вагон	59
«Стих небогатый, суховатый...»	60
«Странно стариться...»	61
Двор моего детства	62
Таланты	63
«Как объяснить тебе, что это, может статься...»	64
«Стройность чувств. Их свободные речи...»	65
«Давай поедem в город...»	66
Фотограф-любитель	68
Красная осень	69
Бертольд Шварц (<i>Монолог</i>)	70
«Дай выстрадать стихотворенье!..»	71
Красота	72
Голоса	73
В деревне	74
Дворик Мицкевича	76
«Весь лес листвою переполнен...»	77
Свободный стих	78
С эстрады	79
Память	80
Перед снегом	81
«И всех, кого любил...»	82
Постель, поэт и Анна	83

«Вода моя! Где тайники твои...»	86
Названья зим	87
«Была туманная луна...»	88
«Химера самосохраненья!..»	89
Предместье	90
Выезд	91
На Дунае	92
«Получил письмо издалека...»	93
Рябина	93
Смерть поэта	94
«Вот и все. Смежили очи гении...»	97
Блок. 1917	98
Соловьи Ильдефонса-Константы	101
Апрельский лес	102
Святогорский монастырь	103
«В воздухе есть напряжение...»	104
Ночной сторож	105
«Я ехал по холмам Богемии...»	106
«Тот дивный, давний спор...»	107
Пустырь	108
«Мне снился сон жестокий...»	109
«Расставанье...»	110
Конец Пугачева	112
Советчики	114
Старый сад	115
Березняк	116
«Мне снился сон. И в этом трудном сне...»	117
«Хочу, чтобы мои сыны...»	118
«Неужели всю жизнь надо маяться!...»	119
«Там дуб в богатырские трубы...»	120
«Не мысль, не слово — а под снегом...»	121
«То осень птицы легче...»	122
«Кто устоял в сей жизни трудной...»	122
«Возвращенье от Анны...»	123
Легкая сатира	124
Поэт и старожил	125

Балканские песни

1. Песня о кузнеце	130
2. Прощание юнака	131
3. Песня о построении кладенца	132
4. Песня о походе	133
5. Песнь о друзьях Милоша	134
Ночной гость	136
«С постепенной утратой зренья...»	140
«Для себя, а не для другого...»	141
«Распутица. Разъезжено. Размято...»	142
«Березы, осины да елки...»	143
Анна Ярославна	144
Солдат и Марта	146
Свободный стих	148
«Кончался август...»	150
Скоморошина	151
«...И тогда узнаешь вдруг...»	152
Брейгель (<i>Картина</i>)	154
Маркитант	156
«Когда с досадой и печалью...»	157
«Полночь под Иван-Купала...»	158
Пятеро	159
«Ветры пятнадцатых этажей...»	160
«Город ночью прост и вечен...»	160
Стихи о Дельвиге	
1. «Дельвиг... Ленъ... Младая дева...»	161
II. «Две жизни не прожить...»	161
«Выйти из дому при ветре...»	162
«Не оставляйте письма...»	163
Старик	164
«Не торопи пережитого...»	165
«А слово — не орудье мести! Нет!..»	165
«Упущенных побед немало...»	166
«И ветра вольный горн...»	166
«Не увижу уже красногорских лесов...»	167

Черновики	168
Старый Дон-Жуан	169
Свободный стих	173
«Стихи читаю Соколова...»	174
«Возвращаюсь к тебе, дорогая...»	174
Залив	175
«И снова все светло и бrenно...»	176
«О бедная моя!..»	176
«Я люблю ощущение ушедших годов...»	177
Рецензия	177
«Нам остается жить надеждой и любовью...»	178
«Я смерть свою забуду...»	178
П я р н у с к и е э л е г и и	
I. «Когда-нибудь и мы расскажем...»	179
II. «Красота пустынной рощи...»	179
III. «Круг любви распался вдруг...»	180
IV. «И жалко всех и вся. И жалко...»	180
V. «Здесь великие сны не снятся...»	180
VI. «Деревья прянули от моря...»	181
VII. «Когда замрут на зиму...»	181
VIII. «Как эти дали хороши!..»	181
IX. «Любить не умею...»	182
X. «Пройти вдоль нашего квартала...»	182
XI. «В Пярну легкие снега...»	182
XII. «Когда тайком колдует плоть...»	184
XIII. «Утраченное мне дороже...»	184
XIV. «Вдруг март на берегу залива...»	184
XV. «Расположение на листе...»	185
XVI. «Чет или нечет?...»	185
«Что за радость! Звуки шторма...»	186
«Тот же вялый балтийский рассвет...»	186
Средь шумного бала	187
Памяти юноши	189
Свободный стих	191
«Был ли счастлив я в любви...»	192
Звезда	193

Реанимация	194
«Усложняюсь, усложняюсь...»	196
«Забудь меня и дни...»	196
Другу-стихотворцу	197
«Может, за год два-три раза...»	198
Афанасий Фет	199
В духе Галчинского	200
Хлеб	202
Учитель и ученик (<i>Идиллия</i>)	203
Мастер	208
«Вдруг странный стих во мне родится...»	209
Д в а с т и х о т в о р е н и я	
I. «Он заплатил за нелюбовь Натальи...»	210
II. «Что остается? Поздний Тютчев?...»	210
«И вот однажды ночью...»	212
Т р и с т и х о т в о р е н и я	
I. «Спи, Мария, спи...».	213
II. «Во сне мне послышался голос...»	213
III. «И вот уже больше недели...»	214
«Отгремели грозы...»	214
Завсегда	215
«Пусть нас увидят без возни...»	216
«Мы не меняемся совсем...»	217
«Повтори, воссоздай, возверни...»	218
«Дай мне нынче выйти в полночь...»	218
Дневник	219
«Зачем за жалкие слова...»	219
Бессонница	220
«Обратно крути киноленту...»	221
Сандрильона	222
«Я сделал вновь поэзию игрой...»	223
«Скрепляют болезни и смерти...»	224
«Чайка летит над своим отраженьем...»	224
За перевалом	225
«Можно ли считать себя счастливым...»	225
Ревность	226

Рихтер	227
Голоса за холмами	228
«Тебя мне память возвратила...»	230
«Светлые печали...»	230
«Куда мне деваться от этих забот ежедневных...»	231
«У меня пред тобою вина...»	231
«Когда-нибудь я к вам приеду...»	232
«Декабрь. Но не хватает снега...»	233
«Нет слова ужасней, чем это...»	233
«Пахло соломой в сарае...»	234
Часовой	235
«Милая жизнь! Протекаешь времен...»	236
«В какие-то новые дали...»	236
Стансы	237
«Запиши мне в жизнь кусок...»	238
«Тогда я был наивен...»	239
Актрисе	240
За Непрядвой	241
«Я слышал то, что слышать мог...»	242
Фантазия о Радноти	243
Цыгане	245
«Всю ночь сегодня буря выла...»	246
П т и ц ы	
I. «О, как я птиц люблю весенних...»	248
II. «Музыка играет...»	248
III. «Словно пестрая корова...»	248
IV. «Люблю я март...»	249
Дуэт для скрипки и альта	250
«В этот час гений садится писать стихи...»	252
Старый Тютчев	253
«Поэзия должна быть странной...»	253
«Я вдаль ушел. Мне было грустно...»	254
Северянин	254
«Что за странная забота...»	255
Батюшков	255
Памяти Антонины	256

«Примеряться к вечным временам...»	257
«Тяжел уже стал. Никуда не хочу...»	257
Баллада	258
В е с н а	
I. «Вдруг становится хорошо...»	259
II. «Все тянет меня к Подмосковью...»	259
III. «Рассвет в огромном дереве...»	260
Шарманщик	261
Гроза	263
«Сплошные прощанья! С друзьями...»	264
«И к чему ни прислушайся — все перепев...»	266
«Да, мне повезло в этом мире...»	266
«Жизнь сплетает свой сюжет...»	267
«И вот я встал, забыл, забылся...»	267
«Перед тобой стоит туман...»	268

ИЗ РА Н Н И Х С Т И Х О В

Плотники...	269
Пастух в Чувашии	271
Охота на мамонта	272
К вечеру	273
Конь	273
Софья Палеолог	274
Осень сорок первого	275
Перед боем	276
Рубеж	276
К а т е р и н а	
1. «Баян спасает от тоски...»	277
2. «В стихах господствует закономерность...»	277
Муза	278
«Мы зябли, но не прозябали...»	278
«Берлин в просветах стен без стекол...»	279

*ДАВИД САМОЙЛОВИЧ
САМОЙЛОВ*

СТИХОТВОРЕНИЯ

М., «Советский писатель», 1985, 288 стр.
План выпуска 1984 г. № 220

Редактор

В. С. ФОГЕЛЬСОН

Художественный редактор

Д. С. МУХИН

Технический редактор

Т. С. КАЗОВСКАЯ

Корректор

Л. Н. МОРОЗОВА

ИБ № 4320

Сдано в набор 02.07.84. Подписано к печати 18.12.84.
А02588. Формат 70×90^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарни-
тура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53.
Уч.-изд. л. 9,65. Тираж 50 000 экз. Заказ № 914. Це-
на 1 р. 30 к. Ордена Дружбы народов издательство «Со-
ветский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский
полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 170024, г. Калинин,
проспект Ленина, 5

